

AperTO - Archivio Istituzionale Open Access dell'Università di Torino

Istinnye i loznye problemy sravnitel'nogo prava (III. Problemy juridiceskogo perevoda)

This is a pre print version of the following article:

Original Citation:

Availability:

This version is available <http://hdl.handle.net/2318/77783> since

Publisher:

Peleng

Terms of use:

Open Access

Anyone can freely access the full text of works made available as "Open Access". Works made available under a Creative Commons license can be used according to the terms and conditions of said license. Use of all other works requires consent of the right holder (author or publisher) if not exempted from copyright protection by the applicable law.

(Article begins on next page)

ЕЖЕГОДНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

2007–2009

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск четвертый

*Под редакцией
Б. Л. Хаскельберга,
Д. О. Тузова*

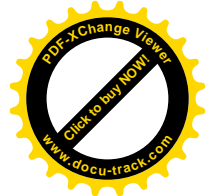
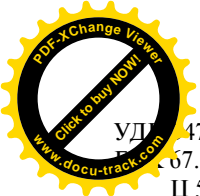
1878

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕЛЕНГ

ТОМСК 2010

УДК 347
ББК 67.404
Ц 57

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

заслуженного юриста России, доктора юридических наук,
профессора Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГА;
доктора юридических наук Д. О. ТУЗОВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ

заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф. М. И. БРАГИНСКИЙ (Москва);
dr hab., проф. В. ВОЛОДКЕВИЧ (Варшава); *dr hab.*, проф. Т. ГЬЯРО (Варшава);
академик Национальной Академии Линчеи (Италия), проф. Р. САККО (Турин);
проф. М. ТАЛАМАНКА (Рим); заслуженный деятель науки РФ, академик РАН,
д.ю.н., проф. Ю. К. ТОЛСТОЙ (Санкт-Петербург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к.и.н., доц. А. Д. РУДОКВАС,
д.ю.н. Д. О. ТУЗОВ (отв. секретарь),
д.ю.н., проф. Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ (председатель),
к.ю.н., доц. В. М. ЧЕРНОВ

В НАУЧНОМ РЕДАКТИРОВАНИИ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

Б. Л. Хаскельберг, Д. О. Тузов, А. Д. Рудоквас,
В. М. Будилов, А. Ю. Зезекало, П. Росси, К. П. Татаркина

Выпуск подготовлен при финансовой поддержке Томского филиала Газпромбанка,
Томского государственного университета и Юридического института ТГУ

Редакция выражает искреннюю благодарность управляющему ТФ Газпромбанка
ЕЛЕНЕ ГЕННАДЬЕВНЕ НОВОСЕЛОВОЙ, проректору ТГУ по научной работе
ГРИГОРИЮ ЕФИМОВИЧУ ДУНАЕВСКОМУ, директору ЮИ ТГУ Владимиру
АЛЕКСАНДРОВИЧУ УТКИНУ за поддержку инициативы в издании IV выпуска ЦивИс

Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского
права. Вып. IV (2007–2009) / Под ред. Б. Л. Хаскельберга,
Д. О. Тузова. — Томск: Пеленг, 2010. — 447 с.

ISBN 978-5-88630-282-0 (в пер.)

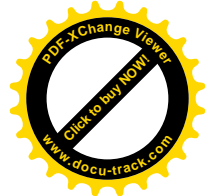
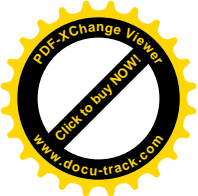
В настоящий выпуск Ежегодника вошли труды, посвященные
современным проблемам российского и зарубежного гражданского
права, истории частного права и цивилистики. В подготовке издания
приняли участие авторы и переводчики из России, Германии, Ита-
лии, Польши, Финляндии.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей ву-
зов, студентов, аспирантов, практикующих юристов и всех тех, чей
круг интересов связан с гражданским правом и его историей.

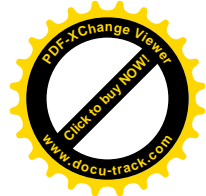
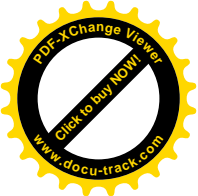
ISBN 978-5-88630-282-0

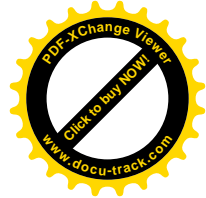
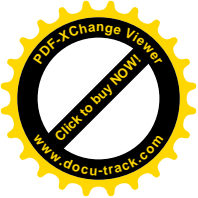
УДК 347
ББК 67.404

© Коллектив авторов и переводчиков, 2010
© Издательство «Пеленг», редподготовка, оформление, 2010

*Светлой памяти
Михаила Исааковича Брагинского
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

Принятые условные сокращения и обозначения.....	7
---	---

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ЦИВИЛИСТИКИ

ИСТОРИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА И ЕВРОПА

Т. ГЬЯРО (Варшава). Европейская история частного права: инструмент унификации права и продукт смешения категорий (<i>пер. с нем. К. В. Гнищевича</i>)	10
--	----

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СВЕТЕ РОМАНИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

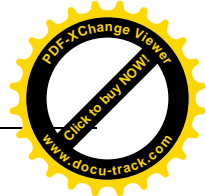
Ф. ЛОНШАН ДЕ БЕРЬЕ (Краков). <i>Summum ius summa iniuria</i> . Об идеологических предпосылках в интерпретации древних текстов источников (<i>пер. с польск. Д. О. Тузова</i>)	58
Д. О. ТУЗОВ (Томск). Ничтожность <i>per legem</i> в римском праве: гипотеза на тему <i>leges perfectae</i> (<i>авторский пер. с итал.</i>)	74

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ОПЫТ РУССКОГО ПРАВА

Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ (Томск). О виндикации имущества, приобретенного от несобственника: законодательство, судебная практика, доктрина дореволюционной России (краткий очерк)	117
А. С. КАРЦОВ (Санкт-Петербург). К вопросу о правотворческой деятельности Правительствующего Сената: проблема «права участия частного» (<i>окончание</i>)	136

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ЭТИКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Г. КОМИССАРОВА (Тюмень). О методологии в цивилистическом познании.....	196
В. М. БУДИЛОВ (Берлин). Недобросовестная научная практика в правоведении: этические и правовые проблемы	212

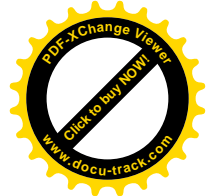
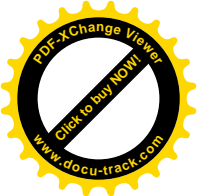

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ (Томск). Правовая природа и значение государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество	250
В. М. ЧЕРНОВ (Томск). О правовом положении члена семьи нанимателя жилого помещения	305
А. Ю. ЗЕЗЕКАЛО (Томск). Существенность заблуждения в мотивах сделки: формирование европейской доктрины и позиция российского правопорядка	314

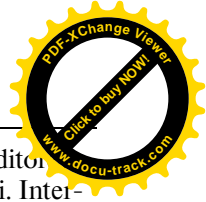
ЗАРУБЕЖНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Р. САККО (Турин). Истинные и ложные проблемы сравнительного права (<i>окончание; пер. с итал. Д. О. Тузова</i>)	336
П. ГРЁШЛЕР (Майнц). Защита права собственности в Германии: теория и практика (<i>пер. с нем. А. Ю. Зезекало</i>)	372
Р. ЦИММЕРМАН (Гамбург). Новый немецкий закон о давности и глава XIV Принципов европейского контрактного права (<i>окончание; пер. с англ. А. Д. Рудокваса</i>)	403
В. Г. ОРЛОВ (Хельсинки). Особенности скандинавского договорного права (<i>окончание</i>)	425
Indice. Inhalt. Contents	443

ПРИНЯТЫЕ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

ГК	– Гражданский кодекс Российской Федерации (если из контекста не следует иное)
ABGB	– Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch, Общее Австрийское гражданское уложение 1811 г.
BGB	– Bürgerliches Gesetzbuch, Германское гражданское уложение 1896 г.
Code civil, Code Napoléon	– Гражданский кодекс Франции 1804 г.
Вестник ВАС РФ	– Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации
ВГП	– Вестник гражданского права
ЖГУП	– Журнал гражданского и уголовного права
ЖМЮ	– Журнал министерства юстиции
ЖРП	– Журнал российского права
РЮ	– Российская юстиция
СПП	– Советское государство и право
ХиП	– Хозяйство и право
ЦЗ	– Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов (Екатеринбург, Институт частного права)
ЦивИс	– Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права / Под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова (Томский государственный университет)
ЮВ	– Юридический вестник
ЮГ	– Юридическая газета
AcP	– Archiv für die civilistische Praxis
ARSP	– Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie
BIDR	– Bulletino dell'Istituto di diritto romano «Vittorio Scialoja» (Università di Roma «La Sapienza»)

Index

Ius commune

JZ

NJW

NDI

RabelsZ

RDC

RIDA

RIDC

RJ

SDHI

TR

ZEuP

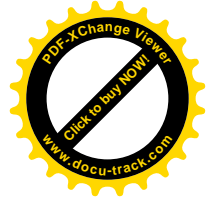
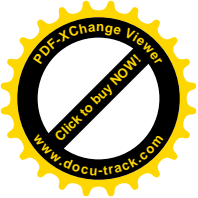
ZNR

ZSS

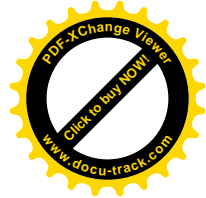
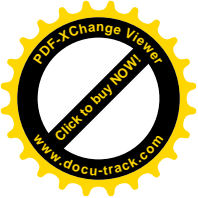
- Enciclopedia del Diritto (Milano, Giuffrè editori)
- Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law
- Ius commune. Zeitschrift für Europäische Rechtsgeschichte
- Juristenzeitung
- Neue Juristische Wochenschrift
- Novissimo Digesto Italiano (Torino, Utet)
- Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht
- Rivista di diritto civile
- Revue internationale des droits de l'antiquité
- Revue internationale de droit comparé
- Rechtshistorisches Journal
- Studia et documenta historiae et iuris (Pontificium institutum utriusque iuris, Facultas iuris civilis)
- The Legal History Review / Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'Histoire du Droit
- Zeitschrift für Europäisches Privatrecht
- Zeitschrift für neuere Rechtsgeschichte
- Zeitschrift der Savigny-Schiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung

[]

- (в авторских текстах и источниках) обозначение слов и выражений, отсутствующих в переводимых текстах и добавленных переводчиками или редакторами в необходимых случаях для правильного понимания смысла текста.
- (в цитатах) обозначение границ абзацев в цитируемом тексте.

ЗАРУБЕЖНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Р. САККО*

ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА**

- III. ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА: 1. Язык и право — 2. Язык и правовое знание — 3. Наука перевода — 4. То, что переводчик встречает в языке — 5. Перевод и понятия — 6. Генотипы и фенотипы в языке и в переводе — 7. Примечательные языковые фигуры — 8. Слово, оценка, вызов ассоциаций — 9. Наименования категорий и наименования других наименований — 10. Гарантированный перевод — 11. Итальянский практический опыт — 12. Стратегии переводчика — 13. Как облегчить юридический перевод

III. ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

1. Язык и право

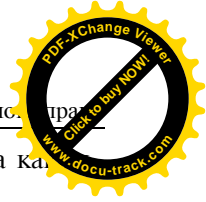
С темой юридического перевода встречается:

— тот, кто ставит перед собой проблему основ юридической науки, а значит, ее понятий и способа их выражения применительно к реальности, где сосуществуют несколько языков;

— тот, кто ставит перед собой проблему выражения некоторой юридической данности на нескольких языках или выражения на оп-

* Сакко Родольфо (Sacco, Rodolfo) — почетный профессор (*prof. emerito*) сравнительного частного права Туринского университета (Турин, Италия), член Национальной Академии Линчеи (Рим), член-корреспондент Института Франции, *doctor honoris causa* II Парижского университета, университетов Женевы, Тулона, Макгилла (Монреаль), бывший президент Международной ассоциации юридических наук.

** Окончание. Начало см.: ЦивИс. Вып. III (2006). М., 2007. С. 440—452. Перевод с итальянского выполнен докт. юрид. наук Д. О. Тузовым по публикации: Sacco R. Traduzione giuridica // Digesto delle discipline privatistiche. Sezione civile. Aggiornamento. Torino, 2000. P. 722—735, представляющей собой энциклопедическую версию § 2 («Проблемы языка») главы I капитального труда того же автора «Введение в сравнительное право» (последнее изд.: Sacco R. Introduzione al Diritto comparato. 5^a ed. Torino, 2004). Название настоящей публикации воспроизводит название первой главы указанного полного издания, соответствующей по содержанию материалу, предлагаемому вниманию читателя в настоящем и предыдущем выпусках Ежегодника. Учтены внесенные автором при переводе коррективы, уточнены библиографические ссылки.

писменном языке мысли, до сих пор выраженной лишь на ка-
ком-либо другом языке.

Теме перевода, разумеется, предшествует тема языка права.

Право прибегает к языку. Роль языка в феномене права очевидна. Парламент утверждает текст, официальная газета публикует текст; судья в письменном виде составляет решение; передача правового знания вверена языку, письменному или устному; лицо, заключающее договор, говорит.

Но не все право выражается словами.

Обычай — что бесспорно — не является письменным, по крайней мере в том смысле, что его действие не зависит от эвентуальной вербализации¹. Такие акты, как дереликция, как фактическое товарищество, производят свой эффект, даже если не сопровождаются речью.

Наиболее показательно то, что существует — именно внутри писаного права — ряд переживаний неписаного элемента. Юрист подразумевает его, когда говорит о живом праве (праве истинном, противопоставляемом писаному, но не действующему праву), или о *law in action** (противопоставляемом *law in books***), или о спонтанном праве, или о природе вещей, или о правиле, основанном на доброй совести либо добрых нравах, или о принципах права (неписанных)². Юрист равным образом подразумевает их, когда говорит о способах толкования, влияющих на значение, которое будет придано законодательному тексту. Под подразумевает их, когда говорит о криптитипах, т. е. о тех концепциях, скрытых в ткани права, которые воздействуют на мыш-

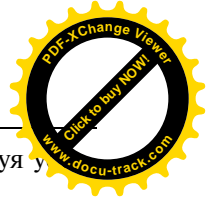
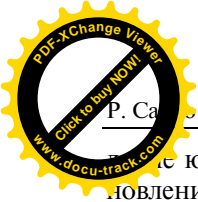
¹ Cp.: Vanderlinden J. Du droit et de la langue, ou de la langue et du droit? // *Snow G, Vanderlinden J. Français juridique et science du droit. Bruxelles, 1995. P. 25.* Автор утверждает, что все право — это язык, поскольку право, не выраженное словами, также нуждается в некоторой форме (знаке, жесте, поведении). Но мы полагаем, что это иное поведение, посредством которого осуществляется обычай, пусть даже и выражая что-то, не имеет всех характерных признаков языка (среди которых произвольность в выборе знаков).

Не только такой юрист, как Вандерлинден, но также и философы права склонны признавать всеобщую «лингвистичность» права. Против этого, не затрагивая философских аспектов: Sacco R. Il diritto muto // *Rivista di diritto civile. 1993. I. P. 689.*

* Право в действии (англ.). — Прим. пер.

** Право в книгах (англ.). — Прим. пер.

² Обо всех этих реалиях см.: Sacco R. *Fonti non scritte del diritto italiano* // *Digesto delle discipline privatistiche. Sezione civile. Aggiornamento. Torino, 2000. § 16.*

...е юриста (законодателя или интерпретатора), способствуя у...
...овлению смысла юридической речи³.

Во время перевода переводчик находится перед двумя реальностями: с одной стороны текст со своими вокабулами и своим синтаксисом, с другой — смысл, который этому тексту следует придать, т. е. правовая норма.

2. Язык и правовое знание

Знание права также нуждается в языке.

Проблема языка обсуждалась теми, кто занимался проблемами правовых понятий. Уже в начале [прошлого] века отдельные авторы обращали внимание на изменчивость диапазона значения термина, дабы показать ненадежность правового понятия⁴. Чтобы разрушить авторитет понятия, отрицается точность языка. Напротив, аналитическая философия стремится обеспечить функционирование правового понятия, воздействуя на язык для улучшения последнего. Исторически, когда древние римляне захотели построить науку права, т. е. критически взвешенное знание о праве, они должны были создать юридический язык, отличный от языка обыденного. С тех пор языки, желавшие приобрести ранг ученых языков, языков науки, должны были обзаводиться специализированным юридическим языком⁵. Создание юридического английского⁶ и юридического немецкого явилось важными событиями в истории языков и права. В XIX в. развитие немецкой концептуальной системы с непрерывным умножением правовых категорий⁷ заставило юридический язык непрерывно обогащаться. Языковая имитация в области права является формой циркуляции

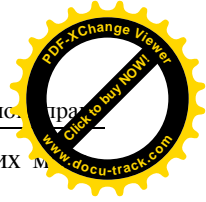
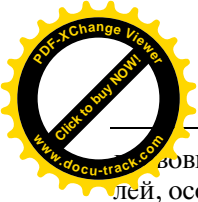
³ См.: *Sacco R. Crittotipi // Digesto delle discipline privatistiche. Sezione civile. V. Torino, 1989. P. 39.*

⁴ Это относится к движению свободного права (*Kantorowicz*), к немецкоязычной социологической школе (*Wurzel, Ehrlich*); несколько десятилетий спустя то же самое могло бы быть сказано в отношении скандинавских и американских реалистов.

⁵ Действительно, в языках-диалектах — таких как туринский, генуэзский или венец — мы не найдем выражений, необходимых для того, чтобы говорить об уголовных проступках, коммерциализации гражданского права, предоставлении вместо исполнения.

⁶ Об истории английского юридического языка см.: *Gordon B. Legal Language: History // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R. E. Asher. IV. New York, 1994. P. 2080.*

⁷ Группа слов, появляющаяся для представления общей части права, — пример того, о чем мы говорим. См. ниже, после сн. 15.

новых моделей, обычно сопровождающей рецепцию этих моделей, особенно доктринальных.

3. Наука перевода

Систематическое изучение проблем, которые ставит юридический перевод, имеет не очень давнюю историю. Международная академия сравнительного права по предложению итальянской стороны вынесла эту тему на обсуждение в Сиднее в 1986 г., что дало интересные результаты⁸.

С тех пор изучение соответствующей тематики сделало неожиданный прогресс. Различные проблемы были обнаружены, распознаны и классифицированы; были сформулированы различные предложения.

Проблема юридического перевода не привлекает внимания юриста, который относится к народу, считающему себя самодостаточным с культурной точки зрения. Он думает, что не нуждается в идеях, выражаемых не на его языке. Его язык ему достаточен для того, чтобы написать закон, чтобы составить судебное решение, чтобы написать научный труд, чтобы изучать и чтобы усваивать знания.

Наоборот, проблема делается более острой, если юрист, относящийся к какому-либо народу, использует множественность моделей, выраженных на нескольких языках.

Наиболее активными в таких исследованиях были канадцы с их университетскими центрами и прежде всего с *Centre de traduction et terminologie juridique*^{*}. Зрелость данных исследований подтверждается собранием монографий, представленных на второй коллоквиум *Centre international de la common law en français*^{**} (CICLEF), состоявшийся в Монктоне, в [канадской провинции] Нью Брансуик⁹.

В настоящее время имеется впечатление, что в ближайшие 20 лет проблемы перевода станут наиболее обещающей главой сравнительного правоведения и откроют важнейшие пути юридической эпистемологии и реформе юридического языка.

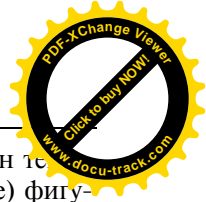
Размышление о юридическом переводе не может обойтись без разграничения различных подтипов перевода, о которых нам говорят

⁸ Именно из этого произошла [работа]: Les cahiers de droit. XXVIII. Montréal, 1987 (в которой см.: *Beaupré R. M.* La traduction juridique – Introduction, и др. статьи).

^{*} Центр юридического перевода и терминологии (фр.). – *Прим. пер.*

^{**} Международный центр *common law* на французском языке (фр.). – *Прим. пер.*

⁹ Имеется в виду издание: *Snow G., Vanderlinden J.* Op. cit.

специалисты. Рядом с традиционным переводом (дается один текст, после чего составляется подобный ему текст на другом языке) фигурируют двуязычное составление текста, совместное составление — одновременное или последовательное — двуязычного текста, составление-перевод, транспозиция¹⁰. Кто имеет дело с законодательными текстами, выраженными на многих языках, приучается к различиям, которые существуют между законом изначально английским, а затем переведенным на французский язык, и законом, с самого начала беспристрастно составленным на английском и на французском языках, ибо первая ситуация побуждает толкователя искать в английском тексте *подлинную* волю законодателя. И в настоящее время наука перевода отдельно рассматривает случаи, когда законодатель или автор пишут на своем языке в ожидании, что кто-нибудь их переведет, и когда составитель (физическое лицо или комиссия) думает и строит речь на нескольких языках.

Помимо делений, противопоставляющих один подтип перевода другому, любой юридический перевод должен считаться с одной фундаментальной проблемой: [переводчик] должен выбирать, переводить ли слова текста, реконструировать ли мысль автора этого текста, или же формулировать способом, кажущимся ему корректным, ту юридическую данность, которую другие выразили на исходном языке¹¹.

Перевод законодательных текстов может вызвать неодинаковое их применение в различных языковых областях. Это общеизвестный факт. Женевские конвенции о векселе и чеке, заключенные с целью создания единообразного права, открыли путь тому, что практика их применения в разных национальных правовых порядках разнится одна с другой настолько, что это вызывает разочарование¹².

Эти расхождения в правоприменении отчасти объясняются существенной неоднозначностью текстов. Но в еще большей степени они объясняются расстраивающим действием не выраженных в текстах

¹⁰ На эту тему см.: *Crépeau P.-A. La transposition linguistique // Snow G., Vanderlinden J. Op. cit. P. 51; Caussignac G. Quelques réflexions sur une formulation des actes législatifs qui respecte le principe de l'égalité des sexes // Ibid. P. 93.*

¹¹ Это противопоставление начинают отмечать специалисты. Жан-Клод Жемар разъясняет разницу между «*traduire le droit*» и «*traduire le texte juridique*» («переводить право» и «переводить юридический текст» [*фр.*] — *Прим. пер.*) (см.: *Gémar J.-C. Le langage du droit au risque de la traduction // Snow G., Vanderlinden J. Op. cit. P. 123).*

¹² На эту тему см.: *Internationale Rechtsprechung zum Genfer einheitlichen Wechsel- und Scheckrecht / Dir. E. von Cämmerer. 1954 (др. редакции: 1976 и 1987 гг.).*

источников права, которые не были одинаковыми для различных областей. Конечно, такие источники могут различаться и внутри единой языковой области: один юридический текст часто получает различные толкования во Франции и в Бельгии.

4. То, что переводчик встречает в языке

Италия — и так же, как она, другие страны — не изобретает все правовые модели, к которым прибегает; напротив, она преимущественно использует модели, выработанные другими. Этой склонности к рецепции сопутствуют важные инициативы в области перевода: с французского, немецкого, английского, русского и других языков. Двойная рецепция французской и немецкой моделей заставила итальянцев пользоваться правовыми категориями, совершенно гомологичными* категориям, выработанным в странах, из которых происходили эти модели. Итальянский юридический лексикон дважды уступил потребностям, вытекающим из этих гомологий¹³. Одно и то же слово — «ничтожность» («*nullità*») — могло означать в течение некоторого периода порочность («*invalidità*») (вследствие параллелизма с французской *nullité*), а позднее полную ничтожность («*nullità di pieno diritto*») (вследствие параллелизма с немецкой *Nichtigkeit*)¹⁴. Терминами «*delitto civile*», «*fatto illecito*» переводятся «*délit*», «*fait illicite*»^{**}; выражением «*atto illecito*» переводится «*unerlaubte Handlung*»^{***}. «*Dazione in pagamento*» — термин, параллельный с «*dation en paiement*», и происхо-

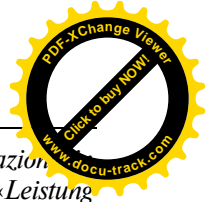
* То есть полностью равнозначными, совпадающими. Неологизмы «гомологичный» («*omologo*») и «гомология» («*omologazione*») автор использует как технические термины, давая им объяснение ниже, в конце разд. 12. — Прим. пер.

¹³ Этот факт, отмечаемый нами начиная с 1976 г., уже известен и иностранным знатокам итальянского языка. См.: Rouhette G. [Рецензия на:] Tortora G., Dizionario giuridico italiano-francese, francese-italiano. Dictionnaire juridique italien-français, français-italien. 2e éd. Milano, 1991 // RIDC. 1991. P. 957.

¹⁴ Национальный Совет исследований (CNR) через свой Институт юридической документации организовал разработку Итальянского юридического словаря (Vocabolario giuridico italiano), пробная брошюра которого, охватывающая литературу «а», появилась в 1978 г. В ней статья «*annullare*» (ит. «аннулировать». — Прим. пер.) вследствие способа, каким был подобран материал, (непроизвольно) отдает предпочтение значению «делать ничтожным» («*far diventare nullo*») перед значением «объявлять ничтожным» («*dichiarare nullo*»). После выхода первой брошюры произведение не было продолжено.

^{**} Соотв.: «деликт», «недозволенное действие» (соотв. ит., фр.). — Прим. пер.

^{***} «Недозволенный акт, действие» (соотв. ит., нем.). — Прим. пер.

непосредственно от латинского «*datio in solutum*»; «*prestazione*», «*luogo d'adempimento*» представляет собой кальку с немецкого «*Leistung an Erfüllungsstatt*»^{*}.

Таким путем итальянский язык приходит к объединению в себе двух различных юридических языков, хотя сегодня многие склонны считать [юридический] язык французского происхождения неподходящим.

Одновременное присутствие нескольких юридических языков в одном-единственном языке — факт нередкий. Так, например, во французском языке мы видим сосуществование юридического языка Франции, юридического языка Квебека и юридического языка Швейцарии.

Юридический язык Квебека не является с необходимостью юридическим языком Франции, прежде всего в той мере, в какой лексический выбор был сделан самим законодателем. Если квебекский законодатель называет *trust* термином «*fiducie*» (artt. 981 и след. Code civil du Bas Canada, artt. 600 и след. Code civil du Québec; оба кодекса двуязычные), то в юридическом языке Квебека «*fiducie*» означает *trust*. Вопрос является лингвистическим, а не юридическим.

Выражения «*possession*» и «*possesso*»^{**}, будучи взяты из французского языка французов и из итальянского итальянцев, означают фактическую власть над вещью с *animus domini*^{***}, но те же слова, взятые из французского швейцарцев и из итальянского швейцарцев, означают фактическую власть над вещью вообще. Выражение «*Besitz*»^{****}, взятое из немецкого языка Германии и Швейцарии, означает фактическую власть над вещью вообще, но «*Besitz*», взятое из немецкого Австрии, предполагает *animus domini* (artt. 2228 и след. Code Napoléon, § 309 ABGB, § 854 и след. BGB, art. 919 швейцарского ГК, art. 1140 итальянского ГК).

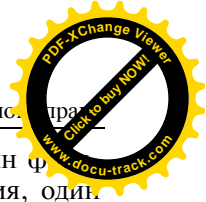
С точки зрения логической, ничто не препятствует сделать вывод, что существует несколько французских языков (один для Франции, один для Швейцарии, один для Квебека, один для Конго

^{*} «Предоставление вместо [должного первоначально] исполнения» (соотв. *ит.*, *фр.*, *лат.*, *ит.*, *нем.*). — Прим. пер.

^{**} «Владение» (соотв. *фр.*, *ит.*). — Прим. пер.

^{***} «Воля господина» (*лат.*), т. е. намерение владеть вещью как своей собственной. — Прим. пер.

^{****} «Владение» (*нем.*). — Прим. пер.

дин для Сенегала), несколько итальянских языков (один французского происхождения, один германского происхождения, один для Кантона Тичино), несколько немецких языков (один федерально-имперский*, один австрийский, один швейцарский и один — до 1990 г. — социалистический).

Но выяснив, что два кодекса различных стран могут использовать омонимичные слова с разными значениями, справедливо вспомнить, что два различных кодекса одной и той же страны могут менять значение слов (в Италии законы о векселе и о чеке говорят о «*detenzione*»** в значениях ином, чем artt. 1992 и след. Гражданского кодекса) и что то же самое могут делать две статьи одного и того же кодекса, два автора научных произведений или двое судей. Ведь слова не имеют абсолютных и постоянных значений, и всякий говорящий каждый раз, как он использует какое-нибудь выражение, придает ему неповторимое специфическое значение.

Вот так проблемы перевода дают нам обнаружить проблемы тождества и специфичности языков: говоря об итальянском праве периода 1865—1942 гг., должны мы прибегать к терминологии той эпохи или мы должны заменять ее нашей современной терминологией? и что делать, если определенный терминологический выбор тогда был преобладающим, не являясь исключительным, а сегодня преобладает, не будучи исключительным, иной выбор? и как нам найти точную меру концептуальных соответствий или различий?

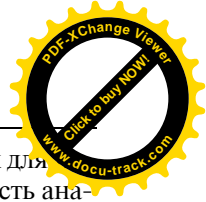
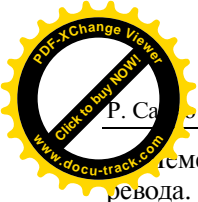
Практика дает нам первый ответ. Мы обращаемся к итальянским работам XIX в., не переводя их предварительно. То же самое делают парижский юрист, который должен обращаться к квебекским работам, и юрист из Штутгарта, обращающийся к трудам, опубликованным в Вене. Итальянский язык оказывается одним¹⁵, то же самое верно для языков французского и немецкого.

Перевод чувствителен к качеству задействованных языков: языка, подлежащего переводу, и языка перевода. Легко переводить на язык, богатый словами, которые могут выражать оттенки мысли.

* Имеется в виду немецкий язык Германской империи — язык пандектистики и BGB. — *Прим. пер.*

** «Держание» (*ut.*). — *Прим. пер.*

¹⁵ В самом ли деле это так? В 1991 г. П. Мелограни перевел «Князя» Макиавелли на современный итальянский (см.: *Machiavelli N. Il Principe / con una introduzione di P. Melograni. Milano: B.U.R. Rizzoli, 1991. — Прим. пер.*).

Немецкий юридический язык XIX в. был объективно легок для перевода. Пандектная школа создала здесь обильную совокупность аналитических и хорошо скоординированных понятий, близких к идеалу, в соответствии с которым одному понятию соответствует одно лишь слово и каждому слову соответствует одно лишь понятие. Трудности могли начаться, если языку перевода не доставало соответствующих слов. Как могли и как могут быть переведены на французский шесть немецких терминов, сцепленных один с другим в единую цепочку: «*rechtswirksames Verhalten*», «*Rechtshandlung*», «*geschäftähnliche Handlung*», «*Willensgeschäft*», «*Willenserklärung*», «*Rechtsgeschäft*» («юридически значимое поведение», «юридическое действие», «сделкоподобное действие», «волевая сделка», «волеизъявление», «юридическая сделка»)? У французов есть лишь выражения «*acte juridique*» (соответствующее «*Rechtshandlung*») и «*déclaration de volonté*» (которое соответствует «*Willenserklärung*»); они также могут перевести «*rechtswirksames Verhalten*» как «*fait de l'homme*», но другие термины, и прежде всего «*Rechtsgeschäft*» (который наиболее важен), не имеют соответствия во французском. Тем не менее задача, стоящая перед тем, кто должен переводить с немецкого на французский, не является неразрешимой: он может установить значение немецкого термина и передать его сложным выражением (образованным фразой или несколькими словами).

Менее богатым и менее точным оказывается французский, хотя некоторые французы думают, что их юридический язык одарен идеальной ясностью, лаконичностью и простотой¹⁶.

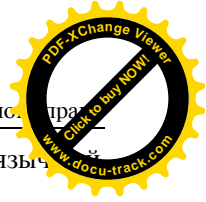
5. Перевод и понятия

Теперь, когда исчерпаны предварительные замечания, мы можем войти в суть проблемы.

Перевод одного слова другим возможен и правомерен, если два слова выражают одно и то же понятие (в эти общие рамки вписывается также специальный случай, когда переводчик имеет власть предпри-

¹⁶ См.: Moreau M. L'avenir de la traduction juridique // Snow G., Vanderlinden J. Op. cit. P. 276.

Неадекватность французского языка для передачи немецкой мысли отмечается также в области философии: см. замечания П. Табатони (P. Tabatoni) на выступление С. Шлобаха (S. Schlobach) (Revue des sciences mor. et pol. 1998. P. 87 s.).

атг им единое значение — так, как это может делать двязычный законодатель).

Слово выражает некоторое понятие. Если биолог, чтобы говорить о лимфатических узлах, использует четыре различных языка, он находит во всех этих языках слово, с желаемой точностью соответствующее понятию, которое ему необходимо выразить. Не всегда так происходит в области права. Понятия, созданные, разработанные и используемые законодателем или юристами одной системы, не соответствуют с необходимостью понятиям, выработанным в другой системе. Нелегко найти французское или итальянское слово, чтобы перевести «*agent*», «*estoppel*», «*executor*» и т. д. Конечно, и внутри одного лишь языка мы можем обнаружить множественность юридических языков, особенно если несколько правовых систем пользуются единственным языком (как происходит с немецким, который используют швейцарцы, лихтенштейнцы, австрийцы, немцы).

Часто слова, имеющиеся в одном языке, не находят своих соответствий в других языках.

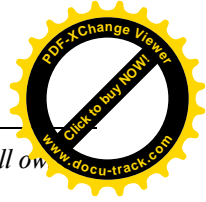
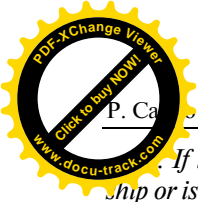
Некоторое время тому назад профессор А. Киральфи (*A. Kiralfy*) из Лондонского университета, которому нужно было написать соответствующую статью для *International Encyclopedia of Comparative Law*, предложил юристам разных стран вопросник относительно «*revolving funds*», которые мы можем приблизить к нашим «*fondi di rotazione*»^{*}.

В итальянском и других континентальных кодексах подобная тема не рассматривается; если поискать в законах, не являющихся кодексами, то мы, вероятно, сможем найти отдельные относящиеся к ним нормы, но, конечно, не найдем единой совокупности правил.

Первые семь вопросов, поставленных Киральфи, являются следующими:

1. *To what extent, if at all, is a revolving fund treated as a thing or other object independently and apart from its component changeable parts?*
2. *To what extent, if at all, can it be said to be owned?*
3. *Who owns it — the management or the beneficiaries?*
4. *Is the ownership regarded as divided between them?*
5. *Is the notion of ownership discarded and, to use the terminology of the Common law, the legal estate vested in the management, whereas the equitable estate or interest is vested in the beneficiaries?*

^{*} «Обновляемые фонды» (*im.*) — постоянно обновляемые средства, предназначенные для определенной цели. — *Прим. пер.*

1. *If the ownership is exclusively vested in the management, is it full ownership or is its content automatically cut down?*

7. *If the beneficiaries are not owners is their interest merely personal or has it real characteristics?**

Киральфи желает, следовательно, узнать, может ли *revolving fund* быть объектом собственности, совпадает ли собственник с администрацией или с получателями выделяемых средств; затем он желает узнать, соответствует ли *legal estate*, принадлежащему администрации, *equitable estate* или *interest* получателей и т. д.

Каждый из этих вопросов предполагает правовые нормы и ситуации, не существующие в Италии, и сформулирован с обращением к концептуальным противопоставлениям (*legal estate* \neq *equitable estate*, как следствие оппозиции *law* \neq *equity*), не имеющим своего соответствия в Италии и не находящим в итальянском языке соответствующих выражений.

Для итальянца сложность вопросника Киральфи заключается не столько в подыскании — после того как идентифицирован вопрос — юридических правил для данного случая, сколько в адаптации вопроса к итальянским категориям.

Мы сталкиваемся, таким образом, с одной из величайших проблем сравнения — проблемой перевода языковых выражений, передающих юридические понятия.

Следует признать, что бывают непереводимые выражения; но можно прийти к постановке вопроса о том, бывают ли выражения переводимые; если ответ не будет отрицательным, нужно задаться

* 1. В какой мере оборотный фонд рассматривается, если вообще рассматривается, как вещь или иной объект отдельно и независимо от составляющих его изменяемых частей?

2. В какой мере можно сказать, если вообще можно сказать, что он может принадлежать на праве собственности?

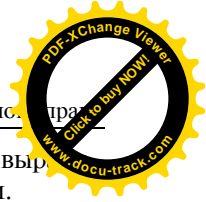
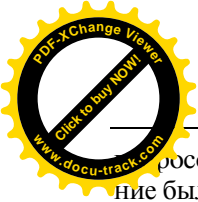
3. Кому он принадлежит: администрации или бенефициариям?

4. Считается ли собственность разделенной между ними?

5. Отвергнуто ли понятие собственности и, используя терминологию *Common law*, принадлежит ли основанный на общем праве вещно-правовой интерес (*legal estate*) администрации, в то время как вещно-правовой интерес, основанный на праве справедливости (*equitable estate or interest*), бенефициариям?

6. Если собственность принадлежит исключительно администрации, является она полной собственностью или же ее содержание автоматически урезано?

7. Если бенефициарии не являются собственниками, является их интерес чисто личным или же он имеет вещно-правовые черты? (*англ.*). — *Прим. пер.*

росом, какие предпосылки должны существовать, чтобы выражение было таковым и чтобы перевод мог считаться корректным.

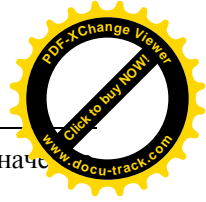
В иных случаях юридическая практика двух стран симметрична, но язык со своими техницизмами создает проблемы и подвергает риску соответствия.

Принципы Международных Коммерческих Договоров УНИДРУА 1994 г. были составлены в двух аутентичных языковых версиях: английской и французской. Начиная с art. 1.1. эти Принципы употребляют как эквивалентные английское выражение «*contract*» и французское выражение «*contrat*».

Между тем в двух юридических языках — английском и французском (по крайней мере, в смысле юридических языков Англии и Франции) — *contract* и *contrat* не одно и то же. Двусторонний акт, направленный на передачу права собственности на недвижимость или на установление залога недвижимости, а также соглашение на управление имуществом другим лицом от своего имени — все это *contrats* во Франции, но не *contracts* в Англии и США (они входят в понятие *conveyance* или *trust*)¹⁷.

Формулирование Принципов ставило перед их авторами проблемы, которые не могли быть решены на уровне перевода. Английский язык не знает термина для обозначения *contrat*, а французский язык не знает такового для обозначения *contract*. Эта трудность стала бы преодолимой, если решить принять термины *contract* и *contrat* в общем значении «соглашения, имеющего предметом правовые отношения», не предпринимая вопроса об элементах, которые следует добавить к соглашению для того, чтобы оно связывало стороны. Речь идет о том, чтобы выяснить, выражает ли суждение «*conveyance* не есть *contract*», предполагающее определенное понятие *contract*'а, некоторую языковую или некоторую правовую данность. В первом случае компетентными изменить значение этих слов были бы те, кто говорят на данном языке, в частности доктрина, и меры в этом отношении мог бы принять также законодатель (в том числе законодатель в области едино-

¹⁷ Аналогичным образом дарение и реальные договоры являются *contrats*, в то время как *gift* и *bailment* не являются *contracts*. Но это замечание не имеет значения, когда речь идет о торговом кодексе; дарение не является торговым актом, а *bailment* предполагает торговый акт, только когда является возмездным, в каком случае представляет собой *bargain*, а потому подпадает под [понятие] *contract*.

ного права), присваивая определенному слову новое значение (и ясно выражая это свое решение).

Если различие между *contract* и *contrat* соответствует различию между понятиями, то, к счастью, ситуация не столь серьезна всякий раз, когда различаются правовые нормы. *Obligation de donner* и *obligation to transfer a property*^{*} являются взаимозаменяемыми языковыми выражениями, хотя во Франции *obligation de donner* влечет автоматически переход собственности (art. 1138 *Code Napoléon*), в то время как в Англии соответствующий фактический состав влечет лишь возникновение обязательства и *equitable interest* в пользу кредитора. Перед нами различные правовые нормы, но категории, а с ними и [юридические] языки, соответствуют.

Приведенные только что примеры показывают, что если несколько терминов являются взаимно корреспондирующими и переводимыми (*Tod = death = mort*)¹⁸, это не означает еще, что существует ряд параллельных оперативных норм^{**}. Верно также и обратное, насколько бы странным это ни могло быть. А именно, может случиться, что оперативные нормы двух систем более схожи, чем терминология, в которой они выражаются¹⁹.

То, что мы сейчас отмечаем, проясняет нам соотношение между переводом и сравнением.

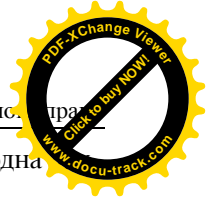
Перевод состоит в поиске значения подлежащей переводу фразы и в поиске фразы, пригодной для выражения этого значения на языке перевода. Первая операция составляет задачу юриста. Вторая также составляет задачу юриста. Совокупность двух операций составляет задачу компаративиста, единственно компетентного решать, соответ-

^{*} Обязательство перенести собственность (соотв. *фр., англ.*). — *Прим. пер.*

¹⁸ Некогда эти три термина были взаимозаменяемыми более определенно, чем сегодня. Юридическая смерть может быть определена как совпадающая с прекращением функционирования сердца или мозга, и эта возможность выбора могла бы дать место различиям в значении вышеуказанных терминов.

^{**} *Regole operative* (или *operazionali*) — одно из ключевых авторских понятий, указывающее на правовые нормы в том виде, в каком они реально действуют в обществе, в отличие от того, как они выражены законодателем или как они понимаются в доктрине. — *Прим. пер.*

¹⁹ Тиций обещает передать Каю собственность на движимую вещь и затем, несмотря на ничтожность обещания и на осведомленность об этой ничтожности, передает ему ее во исполнение [обещания]. В Англии, Франции, Германии собственность в этом случае переходит. Но данное правило выражается очень различными и отчасти непериодическими формулировками.

ют ли две идеи, взятые из различных правовых систем, одна той, и выливается ли различие норм в различие понятий.

Продолжим наш обзор.

Мы уже указали на изменчивость объема терминов *possession*, *Besitz*, *possesso*.

Каждое из этих трех слов в некоторых правовых системах означает {фактическую власть над вещью с или без *animus domini*}, а в некоторых других системах {фактическую власть + *animus domini* субъекта}, противопоставляясь таким образом *détention*, *Innehabung*, *detenzione*^{*}, означающей {непосредственную фактическую власть с или без *animus domini*}. Здесь лингвистическое противопоставление проходит внутри французского, немецкого и итальянского языков.

Немцы и швейцарцы решили предоставить равную степень защиты любому, кто осуществляет фактическую власть над вещью, независимо от его *animus*. Они решили таким путем правовой вопрос. То, о чем мы себя спрашиваем, состоит в следующем: почему они не назвали этого субъекта фактической власти «*Inhaber*», «*détenteur*», «*detentore*», сохраняя таким образом единообразие терминологии внутри каждого из трех языков?

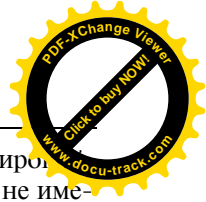
Можно попробовать найти ответ на только что сформулированный вопрос. Слово «*possession*» или «*Besitz*» наводит на мысль о положении, защищенном не только против отобрания [вещи], но и против иных нарушений и пользующемся поэтому более широкой защитой. Слово «*posseur*» или «*Besitzer*» наводит на мысль о субъекте, который располагает: а) фактической властью над вещью; б) максимальной правовой защитой, предоставляемой в данном конкретном порядке субъекту фактической власти.

С тех пор как немцы и швейцарцы повернулись спиной к римскому правилу и защитили против не связанных с выбытием вещи нарушений власть, не сопровождаемую *animus*, эта власть сделалась *Besitz*.

Французский закон 1975 г. о владельческих исках²⁰, как кажется, вновь ставит под вопрос эту лингвистическую симметрию, поскольку он предоставил держателю *complainte* (т. е. средство против нарушений, не связанных с выбытием вещи). Тем не менее, можно считать,

^{*} Держание (соотв. *фр.*, *нем.*, *ит.*). — *Прим. пер.*

²⁰ Закон № 75/596 от 9 июля 1975 г. Об этом см.: *Goubeaux G.* L'extension de la protection possessoire au bénéfice des détenteurs // *Rep. not. defrenois*. 1976. P. 374; *Guarneri A.* Una legge francese sulle azioni possessorie // *RDC*. 1980. Pt. I. P. 302.

защита французского *détenteur* не является еще столь широкой, как защита французского *possesseur* (и действительно, первый не имеет иска против субъекта, владеющего для себя).

6. Генотипы и фенотипы в языке и в переводе

Несмотря на трудности и несоответствия, на которые мы до сих пор сетовали, мы видим, что юрист переводит. Бельгийские, квебекские, швейцарские юристы составляют законы на двух, трех, четырех языках. Европейский Союз принимает директивы, которые переводятся на все национальные языки [стран-участниц ЕС]. УНИДРУА успешно выполнил редакцию двуязычных моделей. Издательства публикуют переводы. Одним словом, юристы переводят²¹.

Мы обнаруживаем, что квебекский юрист переводит *contrat* как *contract*: очевидно, он допускает возможность [существования] *contract*'а без *consideration**. Можно было бы думать в связи с этим о специальном английском юридическом языке, сконструированном для использования квебекцами. В этом не было бы ничего странного.

Но истина состоит в другом. Мы видим, что *common lawyer*** согласился обсуждать и подписать текст Принципов УНИДРУА, в котором понятие *contract*'а является центральным, и *contract* УНИДРУА не имеет видимой потребности в *consideration*.

Что сказать? Перед нами двойное понятие, двойная концепция, двойная истина? *Contract* основывается на *consideration*, если английский юрист говорит с юристом, о котором знает, что тот *common lawyer*, но [тот же] *contract* становится иной правовой категорией, если английский юрист говорит с *civil lawyer**** или с юристом, о котором не знает, к какой системе [права] тот принадлежит?

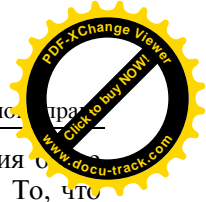
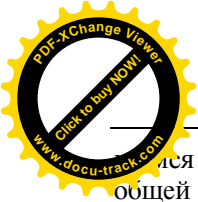
Следует констатировать, что юридический термин не обязательно имеет лишь какое-то одно значение. Слово «*contract*» как английский позитивно-правовой термин связывается с соглашением, опираю-

²¹ М. Морó (*Moreau M.* Op. cit. P. 270), отвечая хору юристов, согласно которым юридический перевод не может точно соответствовать букве [юридического текста], намерению законодателя и логике [правовой] системы, весьма уместно замечает, что в любом случае перевод необходим, а следовательно, его нужно делать.

* Специфический термин англо-американского права, означающий встречное предоставление стороны как необходимый конститутивный элемент *contract*'а. — *Прим. пер.*

** Юрист системы англо-американского права (*англ.*). — *Прим. пер.*

*** Юрист системы континентального права (*англ.*). — *Прим. пер.*

...я на *consideration*, но может служить также для указания на общую категорию, столь же обширной, как *contract* и *Vertrag**. То, что следует констатировать, — это что юридическое понятие имеет свою бивалентность, вследствие которой оно, с одной стороны, является позитивно-правовым понятием, а с другой — понятием (обычно имеющим более общее содержание) общей теории права. Это последнее стоит у истоков неопределенного количества воплощений, создаваемых в различных культурных и правовых условиях. Оно строится на элементах, о которых на интуитивном уровне думают, что они не могут меняться, переходя из одной системы в другую. Метапозитивное понятие договора строится на соглашениях, на конвенциях, на консенсусе. Это метапозитивное понятие является концептуальным генотипом, от которого нисходят многочисленные эмпирические проявления, соответствующие стольким же фенотипам. Может случиться, что юрист будет бессознательно использовать концептуальный генотип при ведении речи на уровне позитивного права. Так, например, art. 1321 итальянского ГК идентифицирует договор с соглашением (генотип), а art. 1325 идентифицирует договор с соглашением плюс кауза (фенотип)** . Если, затем, мы используем дефиницию art. 1321, чтобы говорить о фактическом составе, описанном в art. 1325, литературная фигура, которая из этого получается, представляет собой синекдоху*** .

На генотипическом уровне договор мог бы идентифицироваться с соглашением. Но идеи юриста более сложны. Мы уже видели, что *contract*, состав, регулируемый *common law*, предполагает *consideration*, и поэтому является одновременно соглашением и актом обмена. В сфере договора мы, следовательно, можем столкнуться с двумя ге-

*Договор (нем.). — Прим. пер.

** 1321. Понятие [договора]. Договор — это соглашение двух или более сторон для установления, регулирования или прекращения между ними имущественного правоотношения.

1325. Указание реквизитов [договора]. Реквизитами договора являются:

- 1) соглашение сторон;
- 2) кауза;
- 3) предмет;
- 4) форма, когда явствует, что она предписана законом под страхом недействительности. — Прим. пер.

*** Стилистический прием, вид метонимии, при котором для обозначения целого понятия используется термин, указывающий лишь на один его признак или некоторые признаки, и наоборот. — Прим. пер.

...нами (соглашением и актом обмена). С другой стороны, мы констатируем, что договор может соответствовать, помимо соглашения и акта обмена, обещанию, вызывающему доверие. Многие свидетельства говорят в пользу этого значения термина: таков art. 1108 *Code Napoléon*, который упоминает в качестве условия существования договора согласие «стороны, которая обязывается»; таков § 516 BGB, который санкционирует действительность неакцептованной *Schenkung*, т. е. обещания дарения; таков art. 1333 итальянского ГК, который рассматривает как производящую [правовой] эффект оферту, сделанную для установления обязательств за счет только предлагающего, если предложение не отвергнуто; [таков] делаемый Корбином (*Corbin*) анализ состояния *common law* в этой области. Юрист любит также связывать договор с идеей автономии (за рамки данного генотипа вышли бы некоторые немецкие *Verträge*, представляющие собой простое исполнение предшествующего договора, такие как *Einigung*, необходимая для перенесения собственности на недвижимость). Соглашение, акт обмена, обещание, вызывающее доверие, акт автономии — вот четыре генотипа, под которые можно подвести идею договора²². Не менее сложный разговор можно вести, анализируя выражения «*proprietà*», «*ownership*», «*Eigentum*»²³ или «*fatto illecito*», «*delit civil*», «*tort*»^{**}. Каждый из этих терминов скрывает сложные понятийные связи между генотипом (наиболее абстрактным понятием) и его эмпирическими проявлениями.

Фенотип изучается, в том числе на уровне понятийного анализа, внутри каждой страны. На более высоком уровне абстракции генотип изучается компаративистом, который обнаруживает его в языковой плоскости и использует при переводе.

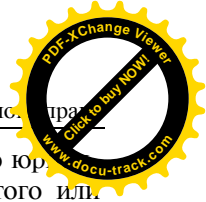
Мы не можем радоваться множественности и изменчивости значений юридических терминов. Языку науки была бы необходима точность. Тем не менее, лишь это отсутствие языковой прозрачности и является тем, что позволяет нам переводить. Мы можем пойти еще дальше: лишь благодаря этому отсутствию языковой прозрачности мы

²² Эта идея, в свою очередь, является продуктом культуры, которая коренится в экстраюридическом опыте (слово «договор» употребляется также вне юридических потребностей) и еще более — в знании юриста.

* «Собственность» (соотв. *ит.*, *англ.*, *нем.*). — *Прим. пер.*

²³ См.: *Gambara A. Property, proprietà, Eigentum. Padova, 1992.* Степень тонкости, с которой выполнена эта разработка, не имеет, как нам кажется, прецедентов.

^{**} «Гражданско-правовой деликт» (соотв. *ит.*, *фр.*, *англ.*). — *Прим. пер.*

...м использовать лишь одно слово в рамках лишь одного юридического дискурса, чтобы говорить об итальянском праве того или иного века, чтобы говорить о кодексе и о доктрине и т. д.

7. Примечательные языковые фигуры

Сложности перевода обязаны, таким образом, тому факту, что отношение между словом и понятием не остается равным самому себе во всех юридических языках.

Теория юридического перевода несостоятельна, если она не занимается темой существующих в различных языках отношений между словом и понятием и не идентифицирует явлений, характеризующих такое-то отношение в таком-то языке.

Важный пример в этой области нам дает синекдоха, практикуемая прежде всего французским юристом²⁴. Если француз говорит «tourner ses épaules», чтобы сказать о лице «отвернуться», итальянец может перевести это как «voltare le spalle»*, потому что итальянский язык допускает *эту специфическую* синекдоху. Но можно ли сделать то же самое со всеми синекдохами, допускаемыми французским языком? И можно ли было бы проделать ту же операцию при переводе на все языки мира?

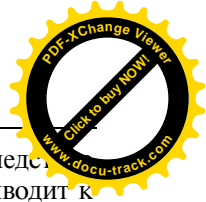
Эта проблема имеет значение для юриста, потому что один из важных юридических языков — французский — более других языков имеет тенденцию замещать указание фактического состава указанием его наиболее характерного факта²⁵.

Из этой особенности французского языка — которую французы особо не осознают — происходят некоторые ключевые дефиниции, а именно: дефиниция различных юридических актов (строящаяся на одной лишь воле, без упоминания изъявления), гражданского правонарушения (строящаяся на вине и ущербе, без упоминания противоправности), договора (строящаяся на одном лишь соглашении, без упоминания каузы). Ничто не препятствует, разумеется, тому, чтобы

²⁴ См.: Monateri P. La sineddoche. Milano, 1984. Выводы Монатери открыли полемику: см. (с позиции критики): Rouhette G. La doctrine de l'acte juridique: sur quelques matériaux récents // Droits. 1988.

* Букв.: «Повернуть спину» (соотв. *фр., ит.*). Синекдоха в данном случае состоит в указании соответствующего движения лишь части тела (спины) вместо всего тела (а в переносном смысле — вместо психологического акта личности). — *Прим. пер.*

²⁵ «Характерный» здесь означает: наиболее подходящий для того, чтобы непосредственно напоминать наблюдателю последствия фактического состава.

альное содержание дефиниции переоценивалось и вследствие этого обуславливало решение практических казусов (что приводит к устранению синекдохи).

Переводчик французского текста должен учитывать возможное присутствие коварных риторических фигур и искать в собственном языке выражения, способные выразить двойной смысл, который распространялся бы (а) на буквальное значение и (б) на смысл, реконструированный с учетом синекдохи.

Синекдоха и метонимия^{*} представляют собой лишь фигуры-модели некоторого более общего явления. Всегда может существовать расхождение между способом, которым юрист понимает и объясняет норму, и способом, которым эта последняя применяется, и оно может быть вызвано различными причинами. Но когда расхождение возникает между объясненной нормой и идеей, которую говорящий желал выразить, и это обязано некоторой распознаваемой риторической фигуре, такое расхождение не может быть игнорировано педантичным переводчиком.

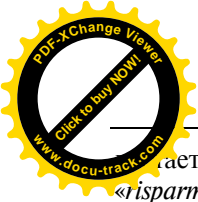
8. Слово, оценка, вызов ассоциаций

Юридический язык, язык научный, должен базироваться на соответствии между конкретным словом и категорией, определенной на основе ее денотации, т. е. на основе совокупности ее конструктивных признаков. Может вызвать удивление констатация того факта, что некоторые юридические термины обогащаются дальнейшими коннотациями, содержащими положительную либо отрицательную оценку, вызывающими симпатию либо антипатию, или что выбор термина различается в зависимости от исторического происхождения правовой нормы, или что сближение терминов порождает сближение институтов.

Дело в том, что язык права (особенно публичного) является также языком политологии, в сфере которой оценочные суждения легитимны. Слово *«risparmio»*^{**} вызывает положительную оценку, которой не-

^{*} Стилистический прием, при котором вместо прямого названия одного предмета используется термин, представляющий наименование другого предмета, неразрывно связанного в сознании с представлением о первом (например, «кров» вместо «жилище»). — *Прим. пер.*

^{**} «Сбережение» (ит.). — *Прим. пер.*

дает термину «*capitalizzazione*»^{*}. Было бы неудачно перевести «*isparmio*» термином «*capitalisation*»^{**}, хотя диапазон значения двух категорий тот же самый.

Даже терминологический выбор, сделанный непосредственно законодателем, может подчиняться эмоциям в плане потребности дифференцировать стиль в связи с особыми модами, фобиями, из любви к театру.

К концу XIX в. немецкий «юридический социализм» занял критическую позицию в отношении терминологии, принятой в проекте BGB, обвиненной в абстрактности, далекости от народного языка, а потому и недоступности пониманию масс. В период разработки *Zivilgesetzbuch*, т. е. гражданского кодекса Германской Демократической Республики, изданного в 1975 г., юристы этой страны заменили неологизмами некоторое количество немецких юридических терминов: «*Betrieb*» вместо «*Unternehmen*»^{***}, «*Gemeinschaft*» взамен «*Gesellschaft*»^{****}, «*Andere*» взамен «*Dritte*»^{*****} и т. д.²⁶ В связи с этим можно было задаться вопросом, подходят ли [итальянское] слово «*impresa*»^{*****} и русское слово «*предприятие*», которыми испокон века переводится «*Unternehmen*», для перевода «*Betrieb*».

Когда правовая модель имитируется, иногда прибегают к заимствованиям или к калькам для указания в новом языке на оригинальную модель. В этих случаях название передает нам информацию, относящуюся к обороту моделей. Вспомним большое распространение, которое получили в социалистических странах термины, возникшие в революционном русском языке, такие как «хозрасчет», «колхоз», «президиум».

В конкретном языке могут существовать или угадываться взаимосвязи между несколькими выражениями. «Договорная автономия» и «свобода договора» являются синонимами. Но второй термин вызывает ассоциацию с фундаментальными правами и свободами. Французский язык сближает право автора и право изобретателя с правом

^{*} «Капитализация» (ит.). — Прим. пер.

^{**} «Капитализация» (фр., англ.). — Прим. пер.

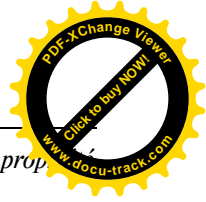
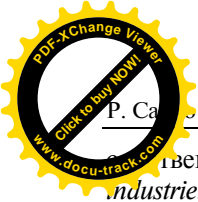
^{***} «Предприятие» (нем.). — Прим. пер.

^{****} «Общество» (нем.). — Прим. пер.

^{*****} Соответственно «иное [лицо]» вместо «третье [лицо]» (нем.). — Прим. пер.

²⁶ Об этом см.: *Crespi Reghizzi G., De Nova G., Sacco R., Il Zivilgesetzbuch della Repubblica Democratica Tedesca // RDC. 1976. I. P. 47.*

^{*****} «Предприятие» (ит.). — Прим. пер.

ственности, когда называет их «*propriété littéraire*» и «*propriété industrielle*»²⁷.

9. Наименования категорий и наименования других наименований

До сих пор мы рассматривали имена, которые представляют абстрактные категории: договор, траст, смерть. Но при переводе можно встретить слова, которые кажутся указывающими на весьма обширные категории, а на самом деле приобретают — именно в межкультурных отношениях — значение, тесно связанное со средой происхождения или с другими обстоятельствами; в пограничных случаях они становятся некоторого рода именем собственным, предназначенным для одного только лица. Подобные слова непереводимы. Чтобы обозначить короля («*king*») Англии, мы переводим, а потому говорим «*re*» (или «*roi*», или «*König*»)**. Но чтобы сказать о бывшем русском самодержце, мы на любом языке говорим «*car*»*** (преобладает транслитерация «*zar*», не являющаяся точной), и это даже если мы говорим о тех монархах, которые официально приняли титул «императора».

В той области публичного права, что имеет дело с почетными титулами, мы часто встречаем номиналистические противопоставления, которые никакое концептуальное противопоставление объяснить не может (*conte* ≠ *marchese*****; *cavaliere* ≠ *commendatore******; *licencié* ≠ *maître* ≠ *docteur******). Эквивалентность этих слов соответствующим терминам средневековой латыни или их историческое значение позволили данным противопоставлениям укорениться в большом количестве языков²⁸. В этих случаях перед нами явления юридического

* «Литературная собственность», «промышленная собственность» (фр.). — Прим. пер.

²⁷ Статья 222 Римского договора, учреждающая Европейское экономическое сообщество, исключает любое влияние этого договора на режим собственности. Во французском языке выражение «*propriété*» было бы совместимым с расширительным толкованием [этой статьи], охватывающим также литературную и промышленную собственность.

** «Король» (соотв. англ., ит., фр., нем.). — Прим. пер.

*** «Царь» в итальянской транслитерации. — Прим. пер.

**** Граф ≠ маркиз (ит.). — Прим. пер.

***** Кавалер ≠ командор (ит.). — Прим. пер.

***** Лицензиат ≠ маэстро ≠ доктор (фр.). — Прим. пер.

²⁸ И тем не менее они могут создать проблемы для перевода. Французы и итальянцы называют польское государство, созданное в наполеоновскую эпоху, Великим Герцогством (*Grand-duché*; *Granducato*) Варшавским. Но поляки называют его *Księstwo*

иниализма: имя превалирует над значением. Мы могли бы сказать, используя фразу, не являющуюся ни точной, ни научной, но выразительной, что здесь имя указывает не понятие, а другое имя. Нетрудно привести и другие примеры: никто не перевел бы «Совет» (в смысле политического собрания [в СССР]) словом «*consiglio*»*, хотя бы значение двух слов совпадало.

Создание правовой нормы формально является прерогативой власти.

Определение понятий, необходимых для знания правовой нормы и для ее классификации, является прерогативой доктрины.

Иногда, впрочем, мы можем обнаружить классификации, желаемые властью, в частности законодателем. В таких случаях доктрина может оспаривать, но не может игнорировать эту волю. Переводчик не должен скрывать от своих читателей возможное присутствие политической воли, выходящей за пределы сферы нормативных решений и вторгающейся в поле инструментов познания (как на научном уровне, так и на уровне повседневной жизни). Это явление было наиболее ясно заметно в социалистических странах: его было легко исследовать ближайшим образом в Советском Союзе, в ГДР и т. д.

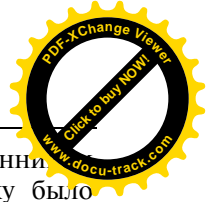
Поскольку государственное предприятие в Советском Союзе владело, пользовалось и распоряжалось определенным кругом средств производства, западные юристы были склонны делать вывод, что такое предприятие было (на английском или французском языке) *owner, propriétaire*** этих средств. Вопрос о том, считать ли собственником государственное предприятие или само государство, был изучен знаменитым цивилистом А. Венедиктовым, который после колебаний пришел, по настоянию политической власти, к выводу в пользу собственности государства²⁹. После появления этого его труда Основы гражданского законодательства СССР 1961 г., а вслед за ними и различные республиканские гражданские кодексы категорично поста-

(т. е. Герцогство или Княжество) *Warszawskie* и выражают недовольство лингвистическим выбором носителей неолатинских языков.

* «Совет», «совещание» (*um.*) — термин, обозначающий в итальянском языке (наряду со сходными терминами в других неолатинских языках, а также в английском) какой-либо коллегиальный орган. — *Прим. пер.*

** Собственником (соотв. *англ., фр.*). — *Прим. пер.*

²⁹ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948. Ранее тот же ученый высказывался в пользу идеи собственности, разделенной между государством и предприятием.

...ли, что государство является единственным собственником промышленных средств производства³⁰. Здесь переводчику было недопустимо вводить в текст какое-либо [новое] слово-значение. Он должен был переводить «*собственность*» как «*proprietà*» и отложить до другого случая всякие споры относительно соответствия между собственностью государства на средства производства и другими значениями термина «собственность».

То же самое можно сказать о категории представительства и ее наименований. Мы говорим, что парламентарий представляет народ, что родитель представляет несовершеннолетнего. Тот и другой совершают, несомненно, акты, производящие последствия в правовой сфере других лиц — государства и его граждан или несовершеннолетнего. Но неясно, почему их называют «представителями», а министров и судей — нет. Выборность должности тут ничего не объясняет, как потому, что нам известны фигуры невыборных представителей (полный товарищ представляет товарищество), так и потому, что родитель [несовершеннолетнего] не избирается³¹.

10. Гарантированный перевод

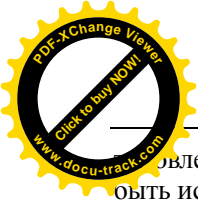
Юридический перевод, становящийся возможным благодаря эластичности языка, иногда встречает союзника, делающего его не только возможным, но и совершенно легитимным. Первый среди союзников перевода — законодатель.

Мы видели уже, что в Париже юрист не переводит слово «*trust*», поскольку думает, что оно не имеет эквивалентов во французском, и что в Монреале, напротив, «*trust*» зовется по-французски «*fiducie*», потому что квебекский — двуязычный — законодатель не может не выражать на двух языках единого понятия, на которое он указывает двумя терминами — «*trust*» и «*fiducie*». Семантическая эквивалентность двух легальных текстов, принятых для выражения единой законодательной воли, аксиоматична и не может терпеть исключений.

К сожалению, эта необходимая эквивалентность между двумя терминами действует не иначе как в пределах, в которых рассматриваемый легальный текст имеет силу. То же слово, что приобрело предус-

³⁰ Статья 21 ОГЗ: «Государство является единым собственником всего государственного имущества»; ст. 94 ГК РСФСР 1964 г. и т. д.

³¹ Более подробно см.: *Graziadei M., Sacco R. Sostituzione e rappresentanza // Digesto delle Discipline Privatistiche. Sezione Civile. XVII. Torino: Utet, 1998.*

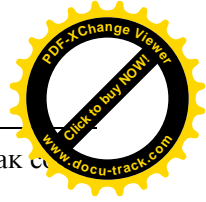
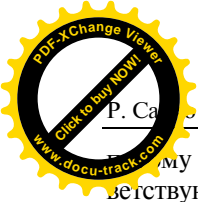

объясненный смысл в двуязычном легальном тексте, может быть использовано в других контекстах, и в них может вновь принять иное значение, которое ему принадлежало изначально. Оно становится, таким образом, источником недоразумений.

Перевод, обязанный [своим происхождением] одному законодателю, но не гарантированный властью некоторого вышестоящего законодателя, не получает никакой пользы от той автоматической семантической эквивалентности, о которой мы говорим. Изложенное на двух языках единообразное право, которое желают [создать] два законодателя, может дать место правомерно различающимся толкованиям. Иной будет также ситуация, когда единообразный текст, составленный на единственном языке, точно ему соответствующем, претерпевает перевод, имеющий официальное значение только в области языка перевода, и этот перевод вызывает особые местные толкования. Здесь в основе отклоняющегося толкования лежит неправомерная лингвистическая ошибка.

Двуязычные тексты имеют отношение к ограниченному числу стран и — за их пределами — к ограниченному числу правовых решений. Они не являются самым показательным примером гарантированного перевода. Напротив, история какого-нибудь слова может гарантировать соответствие между этим словом и термином, принадлежащим другому языку. Это случается часто. Здесь перевод не создает никаких соответствий. Тот или иной язык принимает иностранный термин; принимая его, он его адаптирует к правилам (например, фонетическим) принимающего языка. Значение двух терминов идентично, новый термин продолжает термин первоначальный. Обычно рецепция иностранного права является удобным случаем для введения в язык страны, осуществляющей рецепцию, выражений, которые необходимы для приведения данной операции к желаемому результату. В этих случаях смысл неологизма очевидно однозначен. Когда итальянская доктрина начала говорить о юридической сделке (*negozio giuridico*), значение этой категории было ясным, поскольку все знали, что данное слово переводило немецкое выражение «*Rechtsgeschäft*».

Может иметь место и другая примечательная ситуация. Субъекты, говорящие на двух разных языках, могут использовать два термина для обозначения понятия, выраженного на третьем языке определенным словом. Так, слова «*locazione*» и «*Miete*» соответствуют друг другу,

...му что они были введены в итальянский и в немецкий как соответствующие латинскому «*locatio*»^{*}.

Большая часть необъятного лексического багажа, которым пользуется европейский континент, поддается переводу именно благодаря своему происхождению, связанному изначально с переводом с латыни на французский, немецкий и итальянский, а затем с переводом с французского и немецкого на итальянский, русский, венгерский, испанский, польский и т. д. Компьютеризация данных позволит, вероятно, составить *corpus* всех арабских выражений, которые были использованы для передачи юридических понятий, происходящих из Европы³².

Некоторые юридические языки были созданы в прошлые века посредством этих переводов-заимствований. Рассматриваемый процесс вполне легитимен. Возможно, будущее языков права будет вверено этим переводам-заимствованиям. Континентальные [европейские] языки могли бы заимствовать адаптированные английские слова и наоборот. Языки были бы богаче, переводы не вызывали бы проблем. В Нью-Брансуик, канадской провинции, где применяется *common law*, а говорят на французском, это происходит уже открыто: «*bailment*», «*remainder*», «*chattel*» переводятся как «*baillement*», «*résidu*», «*chatel*»^{**}.

Лингвист может нам сказать, что английский термин, едва будучи переведенным на другой язык, начинает менять значение, и через десять лет после перевода его смысл уже отличен от первоначального. Лингвист, который бы так сказал, был бы прав, но эта его правота нас не обескураживает: вариации значения, обнаруживающиеся за не очень долгий период, не являются большими, чем те, которые разделяют манеру выражаться двух разных авторов внутри одного и того же языка.

Об изложенных выше данных можно поразмышлять, чтобы прийти к некоторому выводу.

^{*} (Сдача в) наем (соотв. *ит.*, *нем.*, *лат.*). — *Прим. пер.*

³² Об этом проекте см.: *Aluffi Beck Peccoz R. Verso il riordinamento del lessico giuridico arabo. Il progetto iura islamica informatica. I // RDC. 1985. I. p. 77.*

^{**} Юридические термины (*англ.*), означающие соответственно «зависимое держание», «остаток» (т. е. последующее имущественное право, возникающее по прекращении имущественного права другого лица), «движимое имущество», и соответствующие им заимствования во французском юридическом лексиконе Нью-Брансуик. — *Прим. пер.*

перевод-заимствование имеет природу совершенно отличную от простого перевода, не подготовленного каким-либо предварительным процессом. Перевод между словами разных языков, выражающих значение, заключенное в [одном] первоначальном слове, не представляет проблем.

Перевод-заимствование является плодом обращения моделей. Имитация закона, рецепция доктринальной модели или судебной аргументации приводит к тому, что посредством образования неологизмов или путем семантической инновации появляется пара (или серия) слов, имеющих строго гомологичное значение в двух (или более) языках.

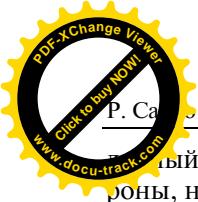
Поскольку вследствие такого обращения по всей Европе систематически распространилось небольшое количество базовых моделей, что с необходимостью устранило конкурирующие фигуры, внутри западного стандарта перевод-заимствование возможен в огромном количестве случаев.

Неподготовленный перевод ограничен, в сущности, транспозицией*, действующей между выражением, извлеченным из немецкой системы, и выражением, извлеченным из системы французской, или – еще далее – транспозицией, действующей между этими двумя системами и системой английской, за исключением, естественно, феноменов инновации, произошедших в свое время в социалистических странах или которые можно отметить в скандинавских странах. Если мы обратим наше внимание на азиатские и африканские страны, перевод-заимствование доминирует в отношении между европейским правом и европеизированным сектором афроазиатских систем.

11. Итальянский практический опыт

Недавно благодаря переводу итальянский юридический язык подвергся не одной встряске. Мы говорим о переводе, за который ответственны политики. До вчерашнего дня *отказ (recesso)* мог быть направлен против договора (*contratto*). То, что обессиливало простое *договорное предложение (proposta contrattuale)*, называлось *отзывом (revoca)*. Имя *ресциссии (rescissione)* носил лишь акт судьи, направ-

* *Trasposizione (um.)* – здесь: создание соответствий. – *Прим. пер.*

ный против чрезмерных притязаний контрагента, но не актоны, направленный на самозащиту от некоторой неожиданности.

Но теперь ситуация уже иная. Какой-нибудь оптимист мог бы радоваться, считая, что аннулирование (*annullamento*), rescissия (*rescissione*), отзыв (*revoca*), отказ (*recesso*), расторжение (*risoluzione*) составляют бесполезный избыток терминов, предназначенных — все без исключения — выражать идею «устранения сегодняшним изъятием эффект изъятия вчерашнего».

Немногие, однако, при прочтении ст. 4 и 5 директивы СЕЕ 85/577 от 20.12.1985 в итальянской версии могут воодушевиться, обнаруживая, что потребитель, заказавший товары вне торгового зала продавца, может rescиндировать (*rescindere*) договор или свое договорное предложение (оферту).

Те же читатели, возможно, констатировали затем, что, когда идея, выраженная в ст. 4 и 5 [указанной директивы], перешла в чисто итальянский текст (Законодательный декрет от 15.01.1992, № 50), «*rescissione*» сделалась «*recesso*», и, таким образом, термин кажется хорошо согласованным с тем, что мы находим в ст. 8 Закона от 02.01.1991, № 1 о посреднике в сфере ценных бумаг и в ст. 18-ter Закона от 07.06.1974, № 215 (измененной ст. 12 Закона от 23.03.1983, № 77) о продаже на дому эмиссионных ценных бумаг.

Кто отмечает эти терзания, испытанные итальянской юридической лексикой, соединит идею лингвистического искажения с идеей юридического перевода или, *rectius*, с идеей взаимного морфологического трансязыкового тяготения, действующего, когда практикуется законодательная многоязычность, как это происходит в Европейском Союзе.

Когда Дж. Де Нова (юрист, не любящий открыто демонстрировать полемическую позицию) включил в свое издание «Гражданский кодекс и связанные с ним законы», вышедшее в издательстве «Zanichelli», Венскую конвенцию, он напечатал ее на английском, сопроводив частной итальянской версией, поскольку «ему не показался пригодным перевод, опубликованный в GU* (27.12.1985, № 303 доп.)».

* *Gazzetta Ufficiale* (Официальная газета) — официальное ежедневное издание, публикующее все законы, а также иные основные или имеющие важное общественное значение нормативные акты. Речь идет, таким образом, об *официальном* переводе Венской конвенции ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. — *Прим. пер.*

директива СЕЕ 93/13 от 05.04.1993 о неправомерных договорах в условиях имела в виду установить в ч. 1 ст. 3 санкции за определенные виды поведения, противоречащие доброй совести (т. е., разумеется, доброй совести в смысле правила поведения, так называемой объективной добросовестности). Итальянский текст передает это, как если бы речь шла о субъективной недобросовестности (знании о чем-либо).

Бесполезно винить отдельных лиц. Хорошо могли бы сделать лишь те, кто сформирован и избран *ad hoc*. Речь идет о том, чтобы изобрести для них соответствующее образование, уметь потом привлечь их и посвятить данной задаче, снабдить их инструментами, которых сегодня не существует.

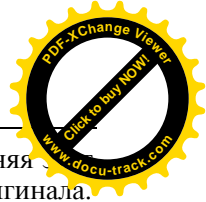
Переводить нелегко, и часто [для этого] не хватает самой желательной поддержки. Никто еще не организовал составление обширного списка, в котором бы регистрировалось, как были переданы французские, немецкие и итальянские понятия в авторитетных английских или американских трудах (взяв за основу [работы таких авторов, как] *Austin, Pollok, Salmond, Jenks, Holland, Paton, Merryman*, т. е. отдавая предпочтение знатокам — и почитателям — континентальной мысли и учитывая последователей «*jurisprudence*» наряду с последователями *common law*) и в наиболее серьезных и достоверных переводах (старый кодекс Нижней Канады и новый кодекс Квебека, официальная английская версия *Nieuw Burgerlijk Wetboek* — нового нидерландского [Гражданского] кодекса и т. д.).

Переводить нелегко, и пользователь юридического языка — юрист или просто тот, кто этим языком оперирует, — обслуживается плохо.

12. Стратегии переводчика

Законодатель и — менее заметным образом — суды имеют власть вводить новый термин или добавлять новое значение старому слову и могут прибегать к неологизмам, не будучи обремененными [заботой] вырабатывать для этих последних какое-либо определение, которое бы точно устанавливало все аспекты соответствующей категории.

Перевод, предписанный законодателем, и перевод-рецепция не являются, следовательно, — именно в связи с тем фактом, что искусственные обстоятельства делают их произвольными и непроблематичными, — *нормальным* переводом. Нормальный перевод имеет це-

просто сделать известным на языке перевода и не изменяя последний некоторый ряд данных, выраженных на языке оригинала.

Подлинный переводчик — это переводчик без публично-правовых полномочий. Его задача тем более деликатна, если в его стране создание моделей вверено скорее доктрине, чем законодательной или судебной практике.

Если легко утверждать, что толкование привязано к «практическим целям», необходимо пояснить, что в этом контексте в «практические цели» входят создание и институционализация инструментов, пригодных для взаимопонимания.

Понимание со стороны читателя или слушателя — это цель, на которую направлен перевод. Понимание на чужом языке — это предпосылка для того, чтобы перевод осуществлялся.

Мы видели до сих пор, сколько трудностей мешают переводу. Но справедливо заметить, что все трудности, мешающие переводу, не составляют непреодолимого препятствия пониманию чужого юридического языка: они могут сделать его затруднительным и изобилующим ловушками. Но они ему не препятствуют. При постановке данной проблемы не будем забывать, что деятельность того, кто нас воспринимает, — это интерпретация, и что интерпретатор не имеет перед собой совершенно однозначного текста, так что его деятельностью является творение, а не одно только распознавание. Исходя из этого, в тех пределах, в которых всякий юрист данной языковой области может понимать другого юриста той же области, в тех же пределах может понимать и юрист другой области.

Естественно, при толковании, а затем при формулировании перевода переводчик должен преодолевать препятствия. Существует риск недоразумения.

Теоретик не может использовать слово, не задавшись вопросом о каждом аспекте своей дефиниции. Если он не может отослать к дефиниции, данной явно или подразумеваемо законодателем или судебной практикой, он должен гарантировать единственно своими силами соответствие между подлежащим переводу словом и термином, принятым при переводе³³.

³³ А если этот термин отсутствует? В таком случае лучше объяснять, чем переводить. Будущее принадлежит словарям, объясняющим (на языке читателя) иностранные термины, не давая их перевода. Это то, что сделано Ф. Де Франкисом (*F. De Franchis*) в его англо-итальянском юридическом словаре.

Время перед собой иностранный текст, он может выполнить задачу приспособления его к использованию своими согражданами, принимая тот или иной из различных нижеперечисленных подходов:

— отказаться от перевода. Отказ от перевода част прежде всего в сфере макрокомпаративистики. Не переводятся «*trustee*», «*executor*», «*хозрасчет*», «*совет*», «*колхоз*», «*šari'a*» и т. д. Этнолог не переводит почти никогда;

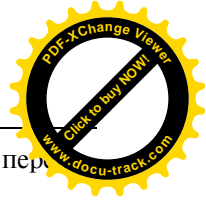
— хорошо установить различия между термином, выраженным на языке изучаемого права, и наиболее близким ему термином из предлагаемых языком, на котором изъясняется исследователь, удостовериться, что эти различия иррелевантны в целях проводимого специфического исследования, и затем приступить к переводу. В каком-нибудь детективе вполне можно перевести «*attorney*» как «*pubblico ministero*», «*executor*» как «*esecutore testamentario*», «*legal estate*» как «*servitù*»*. В юридическом тексте от этого следует воздержаться. Такие термины, как «*Président de la République*», «*chose mobilière*», «*Rechtsverhältnis*», «*Parliament*»**, «*личная собственность*», переводить можно (соответствующими им [итальянскими] терминами будут: «*Presidente della Repubblica*», «*cosa mobile*», «*rapporto giuridico*», «*parlamento*», «*proprietà personale*»); возможные расходящиеся коннотации³⁴ будут рассматриваться как качества (явления, о котором идет речь), не входящие в число элементов, индивидуализирующих данное понятие.

Задачи этого рода могут выполняться только компаративистом. Юридический перевод — дело языка, но юридический язык известен лишь юристу, а критическое знание значения терминов присуще лишь опытному юристу; критическое же знание понятийных тождеств и различий, проходящих сквозь границы [правовых] систем,

* Приведены английские юридические термины и их приблизительные итальянские эквиваленты, соотв.: государственный обвинитель, прокурор (*pubblico ministero*); исполнитель завещания, душеприказчик (*esecutore testamentario*); сервитут (*servitù*). — Прим. пер.

** Соотв.: «Президент Республики» (фр.); «движимая вещь» (фр.); «правоотношение» (нем.); «парламент» (англ.). — Прим. пер.

³⁴ Например, различный объем полномочий, принадлежащих [французскому] *Président* и [итальянскому] *Presidente*. Напротив, выходом за пределы данного понятия было бы говорить о главе государства, приобретающем свой титул по наследству и сохраняющем его пожизненно.

надлежит компаративисту, а следовательно, знает, как переводить, тот, кто обладает знаниями компаративиста;

— специально создать на своем языке неологизм, необходимый для выражения всех значений (и только их), присущих иностранному термину. Романские и немецкий языки сделали это, чтобы иметь соответствие латинских терминов. Русский язык сделал то же самое в отношении французской и прежде всего немецкой юридической терминологии.

В любом случае компаративист — переводит он или нет — не может переносить понятие из чужой системы в собственную понятийную систему без принятия некоторых мер предосторожности. Он должен, следовательно, искать в операционных правилах общие знаменатели различных понятийных систем, чтобы измерить их расхождения и сходства. Когда, например, итальянец должен исследовать английский *trespass*^{*}, ему следует попытаться привести *trespass* к более элементарным понятиям; предположим, что, делая так, он найдет понятия насилия, недвижимой вещи, нарушения, нарушения неприкосновенности вещи без дозволения управомоченного лица. Впоследствии он может обнаружить, что понятие насилия, возможно, отличается от нашего в том смысле, что предполагает или требует чего-то большего или чего-то меньшего по сравнению с нашим понятием, и, возможно, откроет, что противоречие воле правообладателя понимается в некотором ином смысле, чем это принято у нас. Возникает, следовательно, проблема поиска соответствий между различными категориями. Эту деятельность по приведению категорий одного правового порядка к категориям иного культурного пространства можно назвать «гомологацией».

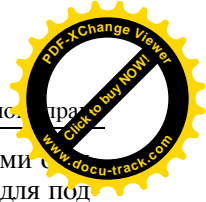
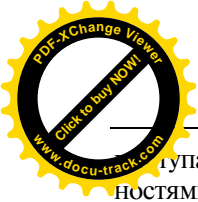
13. Как облегчить юридический перевод³⁵

Можно было бы предпринять некоторые инициативы, чтобы сделать возможным взаимное понимание между людьми, говорящими на разных юридических языках. Укажем три гипотезы.

а) Межтерриториальный язык. Мы уже отмечали реальные явления, когда языки обогащаются кальками, извлеченными из других языков. Представим себе теперь, что какой-либо язык претендует на то, чтобы

^{*} Термин англо-американского права, указывающий на противоправное нарушение владения. — *Прим. пер.*

³⁵ На эту тему см.: *Sacco R. Riflessioni di un giurista sulla lingua* // RDC. 1996. I. P. 57.

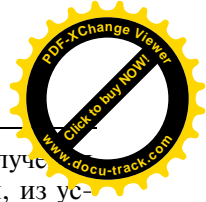
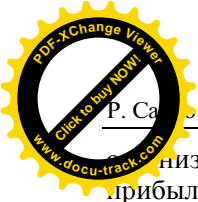
...гупать средством общения между несколькими этническими с...ностями. Он достигнет своей цели, лишь если будет оснащен для под...готовки в своих недрах инструментов, необходимых для перевода с...других языков. Он будет переводить с других языков настолько, на...сколько они переводимы. Он будет избегать — говорить об этом нет...необходимости — неправильных переводов. Он сможет прибегать к...формулировкам-перифразам, выработанным после концептуального...анализа, который подготовит юридическая наука будущего. Он сможет...прибегать к неологизмам, построенным именно для того, чтобы слу...жить целям перевода (и будет это делать масштабно). Он должен будет...таким образом, обогатиться всеми терминами, необходимыми для аде...кватного выражения понятий, присутствующих в других языках.

б) *Диаграммы и символы.* Недавно Жак Вандерлинден³⁶ рассмот...рел некоторое количество наиболее ясных и непреложных юридиче...ских понятий, дабы увидеть, насколько точно они соответствуют...одной лишь схеме, проходящей сквозь границы различных систем. Он взял понятия безработного, ассоциации, компании, корпорации, общества, двухпалатной системы и др. Для каждой категории он нашел (предвидевшиеся или не предвидевшиеся до исследования) различия в нормах; где-то он нашел (не предвидевшиеся) различия в понятиях.

Так, он обнаружил, что право безработного на [социальное] обес...печение в различных странах зависит от места, где он работал, от ав...тономии работника, от характера осуществлявшейся деятельности, от...уровня достигнутой профессиональной квалификации, от продолжи...тельности трудовых отношений, от отсутствия иных доходов, от доб...ровольного или недобровольного характера безработности, от вклю...чения в списки лиц, ищущих занятости, от включения в систему со...циального страхования. Пока мы констатируем, что в той или иной...стране право на обеспечение зависит от того или иного условия, но...это не означает еще, что само понятие безработного зависит от всех...этих обстоятельств.

Другой разговор, если мы рассмотрим выражения «*association*», «*company*», «*corporation*», «*partnership*», «*society*», «*Verband*», «*Vereinigung*», «*Gesellschaft*», «*Körperschaft*». Мы классифицируем различные модели

³⁶ *Vanderlinden J. Comparer les droits. Bruxelles: Kluwer-Belgique/Story scientia, 1995; ср. нашу рецензию: Sacco R. Comparer les droits. A propos de l'ouvrage de J. Vanderlinden // RIDC. 1996. № 3. P. 659–658.*

организаций исходя из того, преследуют ли они цель получения прибыли или иную [цель], из [необходимости] регистрации, из установленных ограничений по числу членов, из *intuitus personae*^{*}, господствующего при выборе противоположной стороны, из обладания статусом юридического лица. Но здесь мы обнаруживаем, что соответствие между значением слова одного языка и значением слова другого языка никогда не бывает совершенным.

В таком случае Вандерлинден предлагает нам расчленить юридические понятия, включить в число составных элементов все данные, которые обнаруживаются во всех анализируемых случаях, и разработать затем язык диаграмм и символов, в котором семантическая единица несла бы знак всех характеристик, необходимых для отграничения одного понятия от другого.

Если не принимать во внимание диаграммы и символы, анализ Вандерлиндена возобновляет разговор, который мы вели выше по поводу гомологации.

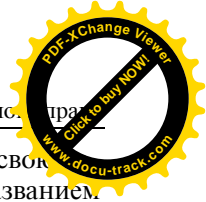
с) *Мониторинг языка*. Человек, если бы он хотел, мог бы контролировать, по крайней мере частично, эволюцию своего языка. То есть он в состоянии частично господствовать над эволюцией лексики. Слова бывают двух типов: есть слова, употребляемые в обыденной жизни, и есть слова научного использования (и технические термины относятся к последним). Эти два рода слов эволюционируют весьма по-разному. Изменение во времени терминов обыденного употребления происходит диким и неукротимым образом, равно как беспорядочно и неожиданно может меняться их значение. Вульгарным путем «*episcopum*» и «*presbiterum*» превратились в «*vescovo*» и «*prete*»^{**}. Вульгарным путем неожиданное значение приняло «*signore*» («*seniore*», т. е. «пожилой»)^{***}; так же приобрело новое значение «*domina*» («госпожа», «хозяйка»), ставшее «*donna*»^{****}. «*Arrivare*», «*portare*» — имена, первона-

^{*} Принятие во внимание лица (*лат.*). Юридический термин, указывающий на учет при выборе контрагента (в данном случае участника организации) особых качеств последнего. В актах, совершенных *intuitu personae*, существенное значение имеют эти качества и доверие, оказываемое их носителю. — *Прим. пер.*

^{**} Соотв. «смотритель», «надзиратель» и «старец», «старейшина» (от *лат.* «*episcopum*» и «*presbyter*», произошедших, в свою очередь, из греческого языка) превратились в «епископ» и «священник» (*ит.*). — *Прим. пер.*

^{***} «Синьор», «господин» (*ит.*, от *лат.* «*senior*» — «пожилой», «старый»). — *Прим. пер.*

^{****} «Женщина» (*ит.*). — *Прим. пер.*

но связанные с «*riva*» и «*porto*»*, чрезмерно расширили свою семантическую валентность. «*Testa*»** изначально было названием горшка или скорлупы. Часто у одного только слова было две истории, лучше иллюстрирующие различную обусловленность научного термина и термина общеупотребительного. Латинское слово «*causa*» остается неизменным как философский термин и становится «*cosa*»*** как общеупотребительное выражение (получившее искаженное значение). «*Capitale*» становится по-французски «*capital*» (научный термин) и «*cheptel*» (разговорный термин), а по-английски «*capital*» и «*chattel*»****.

В отличие от обыденного, научное словоупотребление контролируется, меняется осторожно. Контролируется и избавлена от власти толпы также морфологическая эволюция научного термина. Такие слова, как «трансубстанциация»****, «диалектический материализм», «диметиламинофенилдиметилпиразолон», прекрасно существуют, поскольку являются научными терминами и не должны считаться со спонтанными народными языковыми селекциями.

Тот, кто говорит о науке и технологии, заботится о вещах, неизвестных тому, кто говорит о повседневности. Он внимателен к семантической адекватности, а потому не намерен отходить от словоупотребления, принятого сообществом тех, кто сведущ. Он сознательно или почти сознательно подчиняется правилам и авторитетам. Мы можем сказать о нем, что он желает выражаться на языке легитимированном, а потому легитимном. Относительная неизменность научного и технического языка коренится, между прочим, в этой его более ярко выраженной склонности следовать норме. Она предупреждает девиацию и аберрацию, а потому оставляет широкое поле для инноваций, удовлетворяющих новые потребности, однако, с другой сторо-

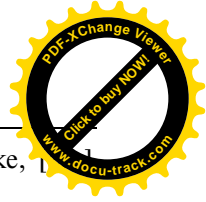
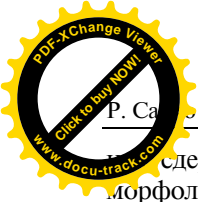
* Соотв. глаголы «прибывать» и «везти», «нести» (*um.*), первоначально связанные с существительными «берег реки» и «порт» (*um.*, произошедшими, в свою очередь, от *lat.* «*ripa*» и «*portus*»). — *Прим. пер.*

** «Голова» (*um.*). — *Прим. пер.*

*** «Вещь» (*um.*). — *Прим. пер.*

**** Прилагательное «относящийся к голове, жизни» (*lat.*) превращается в научный термин «капитал» (*фр., англ.*) и в общеупотребительные слова со значениями «поголовье скота» (*фр.*) и «движимое имущество» (*англ.*). — *Прим. пер.*

***** «*Transubstantiazione*» (*um.*, от *lat.* «*trans-substantiatio*») — в теологии термин, указывающий на процесс преобразования субстанций хлеба и вина в субстанции тела и крови Христа (в Греческой Православной церкви ему соответствует «*μετουσίωσις*», в Русской — «пресуществление»). — *Прим. пер.*

содерживает искажения того, что уже существует в языке, и морфологические и семантические мутации.

Право, если оно осознает свой инструментарий и собственную силу, может воспользоваться экстраординарной склонностью научного языка к Регуляции, благоговением научного языка перед Моделью, предложенной властью. Право, если оно желает, может регулировать слова научной и технической речи.

Несколько столетий назад волны новейших терминов возникли в физике, математике, химии, биологии (вспомним животные и растительные виды, когда-то неизвестные, вирусы и микробы), медицине, механике и т. д.

Этим терминам соответствуют референты, однородные в различных языковых пространствах. Человек, имеющий решимость смягчить негативные последствия взаимного непонимания, мог бы действовать, контролируя динамику неологизмов, с целью приспособления неологизма в разных языках таким образом, чтобы сделать его очень легко узнаваемым для любого лица, сведущего в данной конкретной научной или технологической области.

Как организовать этот контроль? Можно, видимо, обрисовать ту систему, которая кажется наиболее очевидной.

Известна система, с помощью которой *Académie française** контролирует динамику французского языка даже в связи с типично спонтанными явлениями, одобряя или порицая произношение или написание того или иного слова либо той или иной синтаксической конструкции и т. д.

Следовало бы, чтобы каждая из стран, присоединяющихся к движению за лингвистическое координирование, ввела в действие Академию, наделенную властью, какой пользуется *Académie française*. Следовало бы, затем, чтобы Академии назначили уполномоченных, которые собирались бы в Сопровождающих — маленьком лингвистическом парламенте, наделенном соответствующими полномочиями.

При возникновении потребности в неологизме его первый создатель должен был бы немедленно депонировать термин и сделать за-

* Французская академия — научное учреждение во Франции (основано в 1635 г. кардиналом Ришелье), целью которого является изучение французского языка и литературы, формирование языковой и литературной нормы французского языка, мценатство. — *Прим. пер.*

о нем в специальном регистре. Те, в чью компетенцию это входит, перестроили бы неологизм в различных языках присоединившихся стран, адаптируя его к фонетическим, графическим и др. потребностям соответствующих языков. Тем самым лингвистическая бюрократия заставила бы неологизм претерпеть те репродуктивные адаптации, которые много раз происходили без необходимости вмешательства извне с терминами культурного языка. Вспомним о латинском «*praesidens*», из которого получаются «*président*», «*president*», «*presidente*», «*Präsident*». Вспомним такие слова, как «кинематограф», «географический», «трисиллабический»*, имевшие параллельную динамику во всех языках.

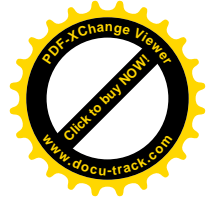
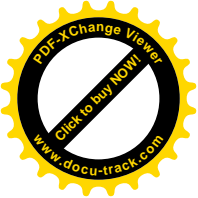
Сближению норм, покровительствуемому ЮНСИТРАЛ и Европейским Союзом, соответствовало бы сближение языков.

Конечно, если мы двинемся в описанном направлении, кто-то весьма справедливо скажет, что мы движемся с опозданием. За два последних столетия слишком многие слова, едва родившись, были переведены в полной анархии. Сбой уже произошел. Но не следует думать, что создание новых слов может остановиться или замедлиться в ближайшее время. Вероятно, оно станет более интенсивным. К уже имевшимся сбоям не должны добавляться сбои будущего, превосходящие первые по количеству и важности.

После согласования неологизмов усилие, необходимое для понимания чужого языка, стало бы меньшим. Кто знает, быть может, согласованное слово приобрело бы некоторую способность к вытеснению несогласованного синонима. Возможно, распространилось бы общее стремление к приоритетному использованию согласованных слов. Возможно, те чувства языковой шепетильности, которые психологически лежат в основе националистической чувствительности, сгладились бы.

Проблема понимания правовой данности связана прежде всего с созданием трансграничной понятийной сетки. Но трансграничная понятийная сетка более не будет бояться неологизмов, когда будет известно, что всякий научный неологизм непосредственно распознаваем в любом языковом контексте.

* «*Trisillabico*» (ит.) — эквивалент русского прилагательного «трехсложный». — Прим. пер.

CIVIS

CIVILISTIČESKIE ISSLEDOVANIJA ZIWILISTITSCHESKIJE ISSLEDOWANIJA TSYVILISTICHESKIYE ISSLEDOVANIYA

RICERCHE CIVILISTICHE ZIVILRECHTLICHE FORSCHUNGEN THE CIVILISTICAL RESEARCHES

ANNUARIO DI DIRITTO CIVILE JAHRBUCH DES ZIVILRECHTS YEAR BOOK OF CIVIL LAW

a cura di / herausgegeben von / edited by

B. L. HASKELBERG & D. O. TUZOV

Vol. IV (2007–2009), Tomsk, Peleng, 2010

COMITATO SCIENTIFICO INTERNAZIONALE / INTERNATIONALER WISSENSCHAFTLICHER AUSSCHUSS / INTERNATIONAL SCIENTIFIC COMMITTEE

M. I. BRAGINSKIĬ (Mosca / Moskau / Moscow);

T. GIARO (Varsavia / Warschau / Warsaw); R. SACCO (Torino / Turin);

M. TALAMANCA (Roma / Rom / Rome);

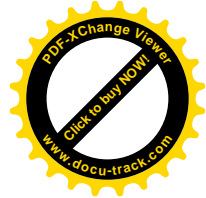
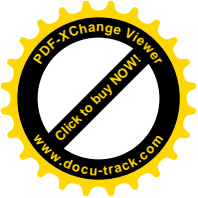
JU. K. TOLSTOJ (San Pietroburgo / Sankt Petersburg / St. Petersburg);

W. WOŁODKIEWICZ (Varsavia / Warschau / Warsaw)

COLLEGIO REDAZIONALE / REDAKTIONSKOLLEGIUM / EDITORIAL BOARD
B. L. HASKELBERG (*presidente / Präsident / chairman*), A. D. RUDOKVAS,
D. O. TUZOV (*segretario esecutivo / Exekutivsekretär / executive secretary*),
V. M. ČERNOV

REDAZIONE SCIENTIFICA / WISSENSCHAFTLICHE REDAKTION / SCIENTIFIC REDACTION

B. L. HASKELBERG, D. O. TUZOV, A. D. RUDOKVAS,
K. P. TATARKINA, A. JU. ZEZEKALO, P. ROSSI, V. M. BUDILOV

INDICE / INHALTSVERZEICHNIS / CONTENTS

STORIA DEL DIRITTO CIVILE E DELLA CIVILISTICA GESCHICHTE DES ZIVILRECHTS UND DER ZIVILRECHTSLEHRE THE HISTORY OF CIVIL LAW AND CIVILISTICS

STORIA DEL DIRITTO PRIVATO E EUROPA GESCHICHTE DES PRIVATRECHTS UND EUROPA THE HISTORY OF PRIVATE LAW AND EUROPE

T. GIARO (Varsavia / Warschau / Warsaw)

Storia europea del diritto privato:

strumento dell'unificazione del diritto e prodotto della confusione di categorie

Europäische Privatrechtsgeschichte:

Werkzeug der Rechtsvereinheitlichung und Produkt der Kategorienvermengung

The European History of Private Law:

Instrument of the Unification of Law and Product of the Confusion of Categories

(trad. dal tedesco di / aus dem Deutschen von / transl. from German by K. V. Gnicevič)

(10)

ISTITUTI CIVILISTICI ALLA LUCE DELLA TRADIZIONE ROMANISTICA ZIVILRECHTLICHE INSTITUTIONEN IM LICHT DER ROMANISTISCHEN TRADITION CIVILISTICAL INSTITUTIONS IN THE LIGHT OF THE ROMANISTIC TRADITION

F. LONGCHAMPS DE BÉRIER (Cracovia / Krakau / Cracow)

Summum ius summa iniuria. Sulle premesse ideologiche nell'interpretazione
delle fonti antiche

Summum ius summa iniuria. Zu den ideologischen Voraussetzungen
für die Auslegung antiker Quellentexte

Summum ius summa iniuria. On the Ideological Premises
in the Interpretation of Ancient Sources

(trad. dal polacco di / aus dem Polischen von / transl. from Polish by D. O. Tuzov)

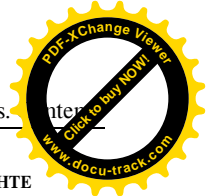
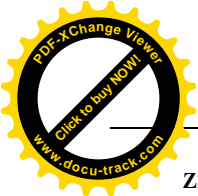
(58)

D. O. TUZOV (Tomsk)

La nullità *per legem* nell'esperienza giuridica romana. Un'ipotesi in materia di *leges perfectae*
Die Nichtigkeit *per legem* im römischen Recht. Eine Hypothese zum Thema der *leges perfectae*

The Nullity *per legem* in Roman Law. A Hypothesis on the Subject of *leges perfectae*
(trad. dall'italiano dell'autore / Verfasserübersetzung aus dem Italienischen / author's transl. from Italian)

(74)

ISTITUTI CIVILISTICI ED ESPERIENZA DEL DIRITTO RUSSO
ZIVILRECHTLICHE INSTITUTIONEN UND DIE RUSSISCHE RECHTSGESCHICHTE
CIVILISTICAL INSTITUTIONS AND THE EXPERIENCE OF RUSSIAN LAW

B. L. HASKELBERG (Tomsk)

Sulla rivendica dei beni acquistati *a non domino*: legislazione, giurisprudenza e dottrina della
Russia prerivoluzionaria (un breve profilo)

Zur Vindikation des vom Nichteigentümer erworbenen Vermögens: Gesetzgebung,
Rechtsprechung und Dogmen in Russland vor der Oktoberrevolution 1917 (ein Überblick)
On Vindication of Property Acquired *a non domino*: Legislation, Court Practice and Doctrine
of the Pre-Revolutionary Russia (a synopsis)

(117)

A. S. KARCOV (San Pietroburgo / Sankt Petersburg / St. Petersburg)

In tema di attività creativa di diritto del Senato Governativo:

il problema del “diritto di partecipazione privata” (*fine*)

Beitrag zur Frage der rechtsschöpferischen Tätigkeit des Regierenden Senats:

das Problem des „privaten Beteiligungsrechtes“ (*Schluss*)

Towards the Question of the Law-making Activity of the Ruling Senat:

the Problem of “Private Participation Right” (*ending*)

(136)

PROBLEMI DELLA METODOLOGIA E DELL’ETICA NELL’ATTIVITÀ SCIENTIFICA
PROBLEME DER METHODOLOGIE UND DER ETHIK IN DER WISSENSCHAFT
ISSUES OF THE METHODOLOGY AND THE ETHICS IN THE SCIENTIFIC EFFORT

E. G. KOMISSAROVA (Tjumen / Tyumen)

Sulla metodologia nella cognizione civilistica

Zur Methodologie in zivilistischer Erkenntnis

On Methodology in Civilistical Cognition

(196)

V. M. BUDILOV (Berlino / Berlin)

La prassi di mala fede nella scienza di diritto: problemi etici e giuridici

Unlautere wissenschaftliche Praktiken in den Rechtswissenschaften: Ethische und rechtliche Probleme

Dishonest Academic Practice in the Legal Sciences: Ethical and Legal Problems

(212)

PROBLEMI ATTUALI DEL DIRITTO CIVILE RUSSO
AKTUELLE PROBLEME DES RUSSISCHEN ZIVILRECHTS
ISSUES OF CURRENT IMPORTANCE OF THE RUSSIAN CIVIL LAW

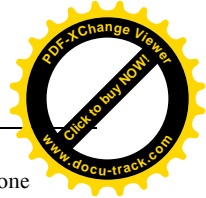
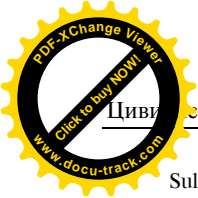
B. L. HASKELBERG (Tomsk)

La natura giuridica e la portata della registrazione statale del diritto di proprietà sugli immobili

Die Rechtsnatur und die Bedeutung der Staatsregistrierung des Grundstückseigentums

Legal Nature and Significance of State Registration of Immovable Property Rights

(250)

V. M. ČERNOV (Tomsk)

Sulle condizioni giuridiche del membro di famiglia del conduttore di abitazione
Zur Rechtsstellung eines Familienangehörigen des Mieters
On Legal Status of Member of the Tenants Family
(305)

A. JU. ZEZEKALO (Tomsk)

Rilevanza dell'errore nei motivi del negozio giuridico:
la formazione della dottrina europea e l'approccio dell'ordinamento giuridico russo
Wesentlichkeit des Irrtums im Motiv des Rechtsgeschäfts:
Entstehung der europäischen Dogmen und Standpunkt der Russischen Rechtsordnung
Relevance of the Error in Motive of the Legal Transaction:
Formation of the European Doctrine and the Standpoint of the Russian Legal Order
(314)

DIRITTO PRIVATO STRANIERO E COMPARATO
AUSLÄNDISCHES PRIVATRECHT UND RECHTSVERGLEICHUNG
FOREIGN AND COMPARATIVE PRIVATE LAW

R. SACCO (Torino / Turin)

Veri e falsi problemi della comparazione (*fine*)
Wahre und falsche Probleme der Rechtsvergleichung (*Schluss*)
Veritable and False Problems of Comparative Law (*ending*)
(trad. dall'italiano di / aus Italienischen von / transl. from Italian by D. O. Tuzov)
(336)

P. GRÖSCHLER (Magonza / Mainz)

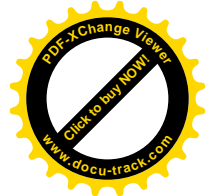
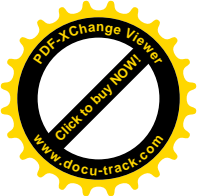
Tutela della proprietà in Germania: teoria e prassi
Eigentumsschutz in Deutschland: Theorie und Praxis
Property Protection in Germany: Theory and Practice
(trad. dal tedesco di / aus dem Deutschen von / transl. from German by A. Ju. Zezekalo)
(372)

R. ZIMMERMANN (Amburgo / Hamburg)

La nuova legge tedesca sulla prescrizione e il capitolo XIV
dei Principi del Diritto contrattuale europeo (*fine*)
Das neue Deutsche Verjährungsgesetz und XIV. Kapitel
der Grundregeln des Europäischen Vertragsrechts (*Schluss*)
The New German Law of Prescription and Chapter 14
of the Principles of European Contract Law (*ending*)
(trad. dall'inglese di / aus dem Englischen von / transl. from English by A. D. Rudokvàs)
(403)

V. G. ORLOV (Helsinki)

Le peculiarità del diritto contrattuale scandinavo (*fine*)
Die Besonderheiten des skandinavischen Vertragsrechts (*Schluss*)
Particularities of the Scandinavian Law of Contract (*ending*)
(425)

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник гражданского права

Выпуск IV (2007–2009)

Редактор *Д.О. Тузов*

Компьютерная верстка: *И.И. Новиков*

Подписано в печать 12.07.10. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Печ. л. 28,0.
Тираж 1000 экз.

Заказ №

Издательство «Пеленг»

634021, г. Томск, ул. Салтыкова-Щедрина, 39;

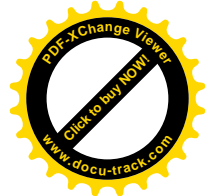
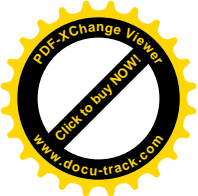
тел.: (3822) 45-19-53

E-mail: peleng@sibmail.com

ISBN 978-5-8863-0282-0

9 785886 302820

ДЛЯ ЗАМЕТОК